

АННА ДРЭЙК

КУЗНИЦА
ПОПАДАНКИ.
СКОВАННАЯ ПРОКЛЯТИЕМ

Анна Дрэйк

**Кузница попаданки.
Скованная проклятием**

«Литнет»

2025

Дрэйк А.

Кузница попаданки. Скованная проклятием / А. Дрэйк —
«Литнет», 2025

Меня занесло не в замок дракона и не в магическую академию, а в проклятую деревню, окутанную туманом. Никто из местных не может выйти — единственный шанс снять проклятие: восстановить старую кузницу и заставить гоблинов работать. Проблема — гоблины ленятся, а жители их боятся. Но я — учительница. После подростков меня гоблины не пугают. Придётся брать всё в свои руки. И даже если в деревню зачастил надоедливый тёмный маг, я с этим тоже разберусь. Снять проклятие? Легко, если знаешь, как организовать даже гоблинов!☆☆ Находчивая героиня Саркастичный тёмный маг Темное проклятие Непослушные гоблины ♥# И даже любовь! Книга участвует в литмобе «Порядочная попаданка. Порядок против проклятия»

© Дрэйк А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1 - Мой долг	5
Визуал	7
Глава 2 - Давай поиграем	8
Визуалы	10
Глава 3 - Почти договор	11
Глава 4 - Побег	14
Глава 5 - Встреча в тумане	17
Глава 6 - Цели	20
Глава 7 - Сама-сама	23
Глава 8 - Обход владений	26
Глава 9 - Защита	29
Глава 10 - Спасибо?	32
Глава 11 - Обход	35
Глава 12 - Ночевка	37
Глава 13 - Первая работа	40
Глава 14 - Успех!	43
Глава 15 - Напоминание	45
Глава 16 - Предупреждение	47
Глава 17 - Возвращение разума	49
Глава 18 - Крупный заказ	51
Глава 19 - Инвентаризация	54
Глава 20 - Паранойя?	56
Глава 21 - Рен	58
Глава 22 - Прогулка	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава 1 - Мой долг

Громкий шёпот с последней парты. Даже не поворачиваю голову — знаю, что это Витька Громов, мой «любимый» двоечник. Он тянет руку, как будто я не вижу, как он прячет под партой телефон с ГДЗ.

Я медленно иду между рядами, делаю вид, что проверяю тетради, и останавливаюсь рядом с ним. Над классом повисает тишина — все ждут, что будет. Даже отъявленные хулиганы затихают на моих уроках. Не потому что боятся — потому что знают: со мной лучше не шутить.

— Витька, — говорю я спокойно, — если ты сейчас не уберёшь телефон, я позвоню твоей маме и расскажу, где ты вчера был вместо подготовки к экзамену.

Его глаза округляются.

— Вы... вы же не могли знать...

— В «Рок-кафе» на Арбате, — улыбаюсь. — Ты забыл, что я там была? Ты даже попросил у меня автограф на салфетке.

Класс взрывается хохотом. Витька краснеет, но убирает телефон.

*

3:45 PM. Последний звонок. Я собираю вещи в учительской, когда ко мне подходит завуч:

— Алиса, ты же знаешь, что у нас педсовет в пять?

— Знаю, — вздыхаю. — Но мне нужно успеть в мастерскую до закрытия.

— Опять твои «железки»? — качает головой Марина Петровна.

Я улыбаюсь. Да, моя странная страсть — ковать металл. После смерти отца (бывшего кузнеца) осталась его маленькая мастерская. Я не мастер, но когда бью молотом по раскалённому железу — чувствую себя живой.

Я выбегаю из школы под дождь. Город хмурится, промозглый ветер подгоняет к остановке.

И вдруг, в переулке рядом со школой, слышу крики. Оборачиваюсь — трое подростков в чёрных капюшонах зажали Витьку у стены. Один толкает его, другой замахивается кулаком.

— Давай, быстро, карту гони! — шипит один. — Пин-код тоже не забудь, понял?

Витька прижимает рюкзак к груди, трясётся всем телом:

— Я... я не дам вам ничего! Отвалите, уроды!

— Ах, ты ещё дерзкий? — ухмыляется второй, выхватывает из его рук рюкзак и начинает шарить по карманам.

Я не раздумываю ни секунды. Бегу к ним, громко крича:

— Эй! Оставьте его в покое!

Они удивлённо оборачиваются. Один из них бросает Витьку прямо на асфальт и достаёт нож.

— Ух, ты какая бэйба, — хмыкает один из них. — Иди-ка сюда.

Сердце колотится в висках, но я встаю между Витькой и хулиганами.

— Я сказала, отвали от ребёнка!

— Слышь, если не свалишь, то...

— Я сейчас полицию выз...

Один из них бросается на меня. Я чувствую резкую боль — лезвие скользит по боку. Но я не отступаю, заслоняю собой Витьку, который, дрожа, жмётся к земле.

— Твою мать! Бежим! — орёт кто-то из них, и они исчезают в темноте.

Я опускаюсь на колени, зажимая рану. Витька смотрит на меня испуганными глазами:

— Алиса... Николаевна... Вы... вы зачем?..

Я улыбаюсь сквозь слёзы:

— Всё хорошо, Витюш. Всё нормально, не волнуйся. Главное — ты цел.

*

Холод.

Я открываю глаза. Лежу на земле. Но это не асфальт — это мокрая трава.

Последнее, что помню — дрожащая рука Витьки и его дрожащий от слез голос:

— Алиса Николаевна, вы только подождите... подождите, ладно? Скорая едет уже. Подождите!

А теперь я непонятно где. Но, кажется, я всё сделала правильно.

Над головой — небо, затянутое густым серым туманом.

— Живая! — раздаётся чей-то хриплый голос.

Я резко сажусь. Передо мной стоит старик в потрёпанном плаще, а вокруг — деревянные дома, кривые улицы, и... тишина.

— Где я? — пытаюсь встать, но ноги подкашиваются.

— В Туманной Гриве, дитя, — говорит старик. — А ты... ты первая чужая за сто лет, кто попал сюда извне.

Я оглядываюсь. Туман сгущается, будто живой.

— Что это за место?

Старик медленно улыбается.

— Деревня под проклятием. Но ты... ты просто появилась. А значит, , — его глаза вспыхивают странным блеском, — ты и есть наша последняя надежда. Лорд Астиан Дарн не успел.

— Эм, что простите? — Я медленно приподнимаюсь на локте. — Вы о чем вообще?

Где-то в тумане раздаётся звон металла...

Визуал

Наша героиня – Алиса Соколова

Глава 2 - Давай поиграем

— Если это розыгрыш от моего класса, то получилось классно. Витюш, выходи. Даже поставлю пять за креатив.

Я оглядываюсь, но никого из знакомых не вижу. Только всё тот же старик представившейся как старейшина Годрик — только качает головой. Двое крепких мужчин в потрепанных кожанках крепко держат меня за руки. Я вырываюсь, но их пальцы впиваются в мои запястья, как железные тиски.

— Ты попала сюда не просто так, — бормочет Годрик, шагая впереди. — Ты та, кто способна восстановить кузню Теней и не допустить власти лорда Дарна! Туман тебя выбрал!

— Туман — говно! — огрызаюсь я, совсем уже никак учитель. Но меня тащат дальше по грязной улочке. — И пусть выбирает меня обратно. Вы что? секта какая-то или что? Учтите, у меня есть знакомые в ФСБ!

На самом деле нет, но им-то это откуда знать?

Деревня выглядит так, будто её забыли в средневековье. Кривые домики с покосившимися ставнями, мостовая, поросшая мхом, и этот бесконечный туман, который окутывает всё, как одеяло. Он не просто висит в воздухе — он шевелится, будто живёт своей жизнью.

И самое мерзкое — люди. Они выходят из домов, смотрят на меня пустыми глазами. Ни удивления, ни страха. Только надежда.

Меня от этого тошнит.

Что, блин, происходит?!

Впереди появляется здание.

Оно не похоже на кузню.

Оно похоже на разлагающегося зверя.

Кузница Теней — огромная, почерневшая от времени постройка с провалившейся крышей. Стены покрыты странными царапинами, будто кто-то точил когти о камень. Дверь перекошена, железные петли ржавые, но заперты на массивный замок.

— Откройте, — командует Годрик.

Один из мужчин достаёт ключ — слишком большой, слишком старый.

Замок скрипит.

Дверь распахивается с жутким стоном, и на меня пахнуло запахом гари, металла и чего-то кислого, как испорченное мясо.

— Нет.

Я упираюсь ногами в порог.

— Я туда не пойду! Я на вас в суд подам! Я напишу президенту!

Но даже такие угрозы никого не впечатляют.

Меня толкают в спину, и я падаю внутрь.

Дверь захлопывается за моей спиной.

Замок щёлкает.

Темнота.

Я лежу на холодном каменном полу, сердце колотится так, что кажется, вырвется из груди.

— Эй! Выпустите меня! — бью кулаками в дверь.

В ответ — тишина.

Я оборачиваюсь.

Кузница огромна.

Высокий потолок, закопчённые стены, горны, покрытые пеплом. На полу — куски металла, обломки инструментов. В углу — наковальня, но она... изъедена, будто её грызли.

И тишина.

Слишком тихо.

Слишком пусто.

Но я знаю, точнее чувствую на себе чей-то взгляд. Я здесь совершенно точно не одна.

Шорох.

Я замираю.

Ещё один.

Из-за горна показывается пара жёлтых глаз.

Потом ещё одни.

И ещё.

Гоблины.

Они не такие, как в сказках.

Эти — на удивление пропорциональны, с темно-зеленой шерстью и выразительными глазами. Их пальцы заканчиваются когтями, а рты растянуты в зловещих ухмылках.

Один, самый крупный, вылезает вперёд. Его левое ухо оторвано, а в правом — золотая серьга.

— Новая хозяйюшка? — он цокает языком. — Опять.

Я не дышу.

— Не, вот хозяйкой вашей я быть вообще не хочу.

Гоблин смеётся — звук, как скрип ржавых петель.

— Отлично. Потому что мы тоже не хотим такую как ты в хозяйки. А вот в виде вкусного мяса — самое оно.

Он делает шаг вперёд.

— И раз ты здесь...

Его когти блестят в тусклом свете.

— Давай поиграем.

Визуалы

Та самая кузня

Её работники)))

Глава 3 - Почти договор

– Хотите поиграть? Ну, давайте, раз такие смелые!

Мой голос звучит куда увереннее, чем я себя ощущаю внутри. Ладони мокрые, пальцы дрожат, сердце стучит так, будто кто-то запустил там отбойный молоток, но я упрямо держу спину прямо — как когда входила в самый буйный девятый "Б" на перемене.

В голове вертится дурацкая мысль: "Ну всё, Алиса, доигралась — теперь вместо Витьки Громова разбираешься с гоблинами. Перспектива, конечно, так себе!"

Гоблин с золотой серьгой в рваном ухе — пусть это будет Клык — медленно скользит по мне желтым, хищным взглядом. Его когти лениво царапают наковальню, оставляя тонкие полосы на ржавом металле — звук противный, аж мурашки по спине.

— Хозяюшка хочет играть? — он шипит, оскалившись, и я на секунду вижу целую батарею острых, как у акулы, зубов. — Давай поиграем в "догони и откуси". Ты бежишь первая.

Из тени вылезают ещё трое. Самый мелкий, Шнырь, уже облизывает губы, глаза его горят, а в грязных пальцах он крутит что-то, подозрительно похожее на заточку из куска косы. Двое других — один толстый, с животом, свисающим почти до колен (Пузо), и долговязый, с перекошенной челюстью (Щель) — занимают места по бокам, отрезая мне путь к двери.

Я медленно отхожу к стене, спиной ощущаю холод и шершавость камня. Дышать становится труднее, но я выдавливаю из себя спокойствие и говорю, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Давайте уже по-честному. Вы сколько хозяев "съели"? Пять? Десять?

Клык оскалился пошире:

— Стояла бы тихо — мы бы тебе в конце сказали твой номер.

— Но кузница всё равно разваливается, — я киваю на прогнившие балки, — инструменты ржавые, заказов нет...

Шнырь встревает, нервно:

— Нам и без заказов хорошо!

Но Клык бросает на него взгляд — и Шнырь тут же замолкает, втянув голову в плечи.

Попала в точку. Так, отлично, это надо использовать.

— Интересно, — я делаю вид, что задумалась, — лорд Астиан Дарн в курсе, что вы тут всё развалили? Или ему как раз этого и хочется?

В комнате становится тихо, даже дыхание гоблинов будто замирает. Шнырь смотрит на меня, не мигая, а у Клыка начинает дёргаться хвост.

Надеюсь, я не совсем уж чушь несу...

— Пф, этот магический говнюк! — Клык плюёт через плечо, но голос у него звучит уже не так уверенно. — Что бы он ни говорил, всё равно не сможет справиться.

— Он боится нашей кузницы! — выкрикивает Шнырь, но слишком быстро, слишком громко, будто оправдывается.

— И нас! Да... Особенно нас, — поддерживает его Щель, но взгляд отводит в сторону.

Ну-ну. Видно же, что бояться тут должны они, а не лорд.

Кем бы этот Дарн ни был, это имя их пугает. Я решаю дожать тему:

— Он не сунется... Пока кузница не заработает по-настоящему, — медленно говорю я, — но если вдруг узнает, что здесь снова куют...

Пузо начинает что-то бормотать, но тут же умолкает под взглядом Клыка.

— Он вас что? — настаиваю я.

— Ничего! — рычит Клык. — Мы не боимся этого... этого...

— Лорда? — подсказываю я.

— Да плевать мы на него хотели! — Шнырь сплёвывает на пол, но глаза у него мечутся, как у мыши в мышеловке.

— Конечно, конечно, — киваю я. — Но если он всё же придёт... Я могу вас прикрыть. Гоблины переглядываются, явно не уверенные, стоит ли мне верить.

— Ты? — Клык хмыкает. — Чем?

— Я человек. А значит, мне можно то, что вам — нет, — улыбаюсь я. — Могу врать ему в лицо. Могу сказать, что вы — лучшие кузнецы во всём королевстве. А могу... — понижаю голос, — устроить так, чтобы он больше сюда не совался.

Они слушают, затаив дыхание. Я достаю из кармана мелок и, чтобы выглядеть занятой и уверенной, начинаю рисовать на ржавом листе металла простенькую схему.

— Смотрите, — говорю, — пункт первый: ремонт крыши.

— Ну, залезть-то я с удовольствием, — неожиданно бодро говорит Пузо, — но ремонтировать что-то... пф, я подумаю.

— Думай, — киваю я, отмечая пункт на схеме.

— Второе — новые инструменты. Без них никуда.

Шнырь оживает, его глаза заблестели:

— Новые, блестящие, крепкие — это хорошо!

— И, наконец, третье — кузница должна приносить пользу. Вы приносите... А ещё... — я делаю паузу и достаю из кармана шоколадку, которую приберегла себе на обед.

Шнырь чуть не подпрыгивает на месте:

— Что это?!

— Особое снадобье, — улыбаюсь я. — Тот, кто работает лучше всех — получает кусочек. Каждый день.

Клык скалится, не сдаётся:

— А если мы у тебя просто отнимем?

Я, не теряя спокойствия, усаживаюсь на бочку, закидываю ногу на ногу и вытягиваю руки:

— Можете попробовать. Только учтите — это последняя в этом мире. И знаете, что будет, если лорд нагрянет с проверкой, а тут бардак?

Рисую мелом на железе карикатуру: тощий, злой Дарн с табличкой "Теперь кузница моя".

Гоблины смотрят, затаив дыхание. Даже Клык на миг теряет свою наглую ухмылку.

В комнате воцаряется напряжённая тишина. Я чувствую, что их внимание у меня в руках.

— Итак, правила: я — хозяйка, вы — мастера, работаем по графику. Кто халтурит — остаётся без сладкого.

— А если не согласны? — Клык вновь скалится, но уже не так уверенно, как раньше.

Я медленно ломаю шоколадку пополам, позволяя запаху разойтись по каморке, и смотрю на них с лёгким вызовом:

— Тогда продолжаем, как есть. — Пожимаю плечами. — Гнилая крыша, голод, и... о да, визит лорда. Я не против. А вы?

Шнырь сдаётся первым:

— Я... я согласен!

Остальные гоблины переглядываются и по одному кивают. Даже Клык в итоге выдавливает сквозь зубы:

— Но первый же твой прокол — и мы начинаем новую игру. Ты в курсе.

— Договорились, — улыбаюсь я, разламывая шоколадку на части и раздавая её.

Они ещё не знают, что я вообще не в курсе, кто такой этот Астиан Дарн.

Они даже не подозревают, что я впервые слышу это имя.

Но они поверили, что я могу их защитить.

А это — уже половина победы.

Теперь главное — улучшить момент и сбежать из этого гоблинского дурдома, пока никто не передумал.

Дорогие читатели!

*Приглашаю вас в увлекательную новинку Рины Мадьяр
«Жена в уплату долга. Мыловарня на отшибе»*

<https://litnet.com/shrt/lhu2>

Глава 4 - Побег

— Ну что, работяги, ночь длинная, а у меня планы. Откройте дверь, мне вон ту кучу хлама нужно вынести, — кидаю гоблинам, стараясь не выдать нервозности.

Клык, как самый главный скептик, скрещивает когти на груди:

— Ночью? А если кто увидит?

— Ты сам говорил, что ночью никто не ходит, — парирую я. — Или теперь боишься темноты больше, чем лорда Дарна?

Пузо фыркает, а Шнырь с азартом шепчет:

— Если хозяйка хочет — пусть идет... Может, и не вернется!

Я улыбаюсь, хотя внутри всё сжимается. Клык бормочет что-то себе под нос, но отпирает дверной засов. Деревянная дверь на скрипучих петлях открывается наружу.

— Только быстро! — бросает мне вслед.

Оказавшись за порогом, я замираю. Деревня спит, только где-то вдалеке потрескивает костер. Воздух настороженно недвижим. Я делаю шаг — и тут же слышу за спиной щелчок задвигающейся засовом двери. В груди тянет тяжёлым комком — теперь всё по-настоящему.

Я иду по узкой улочке, стараясь не ступать на хрустящие осколки и не задеть подвешенные у домов верёвки с сушёной рыбой. Тени на стенах будто шевелятся, и каждый скрип ставен кажется подозрительным. Кто-то может выглядывать из-за занавески, улавливать каждый мой шаг. Староста — вдруг он вообще не спит, а следит, чтобы я уж точно навечно в этой кузнице осталась? А может, уже стоит в темноте, вглядываясь в туман, ждет, чтобы поймать меня за руку и вернуть обратно в кузницу.

Стараюсь дышать тише, почти не двигаю руками, чтобы не зацепить случайно ведро или ящик, не поднять шум. Мимо похрустывает гравий — я замираю, прислушиваюсь. Нет, это только капли с крыши. Или всё-таки кто-то вышел на крыльцо?

Вдоль забора мелькает тень — замираю, сердце колотится в горле. Но это всего лишь плешивый кот, который срывается с места и исчезает в тумане. Я почти смеюсь от облегчения, но тут же ловлю себя — нельзя, вдруг кто-то услышит.

Уже совсем близко до ворот, но кажется, что вот-вот появится фигура старосты — с фонарём, с тяжелой связкой ключей, с хмурым взглядом. Стоит только оступиться, и меня тут же вернут обратно, закроют в кузнице, а завтра всем расскажут, что Алиса сбежать пыталась.

Всё тело напряжено, я почти бегу, хотя внешне стараюсь идти спокойно, как будто мне действительно просто нужно вынести хлам. За воротами туман встаёт стеной, но сзади ещё страшнее — любой шорох, любое движение может оказаться ловушкой.

Сердце ухает в пятки, когда я делаю последний шаг за ворота.

Но это мой шанс — нельзя останавливаться. Я крепче сжимаю в руке маленький масляный фонарь, который прихватила еще в кузне, заранее опасаясь ночной тьмы. Его тусклый золотистый свет с трудом пробивается сквозь плотную завесу тумана, размываясь мутными пятнами на молочно-серых клубах. Пламя внутри дрожит, будто боится вместе со мной — то тускнеет, то вдруг болезненно вспыхивает, словно кто-то невидимый дует на огонёк из глубины тумана.

Каждый мой шаг — как на ощупь: под ногами мягкая земля, но за пределом слабого круга света фонаря мир будто исчезает. Туман живёт своей жизнью — в его глубине то и дело проступают колышущиеся тени, похожие на чьи-то фигуры, но стоит моргнуть — и они растворяются, будто их и не было.

Свет фонаря иногда выхватывает из пустоты что-то странное: то всполохнет на мгновение отражением в луже, и кажется, будто изнутри на тебя смотрит пустое лицо; то заиграет на

клочке ткани, что цепляется за ветку, и кажется — это чья-то рука тянется к тебе из расселины между мирами.

Сзади будто кто-то идет следом — я слышу приглушённые шаги, но, повернувшись, вижу только, как свет фонаря тонет в вязкой дымке. Иногда мне кажется, что он начинает гаснуть, хотя масла в нём достаточно — словно сам туман высасывает свет, не давая мне найти дорогу.

Я делаю еще шаг — и странный свет начинает играть на стенках тумана, будто там, внутри, шевелится что-то живое. Где-то слева мелькнула тень, и фонарь выхватил из мрака на секунду силуэт, похожий на перекошенное лицо. Я вжимаю плечи, сжимаю кулаки, но иду вперед — только бы не останавливаться, только бы не дать этому туману поглотить меня совсем...

— Спокойно, Алиса, — шепчу я себе, вытягивая перед собой руку. — Просто вперед, найти любой нормальный город и всё...

Но с каждым шагом становится только страшнее. Я будто бы стою на месте. Туман плотнее, чем стены кузницы. Звуки будто исчезли совсем. В какой-то момент я останавливаюсь — кажется, что сейчас зацеплюсь за что-то невидимое или просто упаду в пустоту.

— Эй! — кричу, но голос тонет, будто в подушку.

Пытаюсь вернуться назад, но не могу понять, где ворота. Всё одинаково молочно-серое. Всё.

Сердце бьется где-то в ушах. Я кружусь на месте, нащупывая хоть что-то знакомое, но туман не отпускает. Я застряла. Одна. В полной тишине.

И только теперь понимаю — этот туман не обычный. Он не хочет, чтобы я уходила.

Я делаю шаг в туман — и сразу понимаю, насколько ошиблась решив уйти. С гоблинами и то было безопаснее.

Холод липнет к коже, будто мокрые тряпки. Вокруг — пустота и вязкая тишина, как в пещере. Я крепко сжимаю ладони в кулаки, стараясь вспомнить, где была дорога, куда идти... Но всё растворилось.

Шаг. Ещё шаг. Под ногами — мягкая земля, но кажется, будто топчусь на одном месте. Старюсь дышать тихо, чтобы не выдать себя, но сердце стучит так, что, кажется, его слышно на всю деревню.

И тут...

Тихий шорох позади.

Останавливаюсь, прислушиваюсь. Показалось? Но нет — между каплями из тумана проступает что-то ещё.

Топ... топ... топ...

Шаги. Кто-то идёт за мной.

Я резко оборачиваюсь — никого. Только туман густеет, сжимается вокруг, будто хочет задушить. И тут — едва слышимый шепот, словно кто-то дышит мне прямо в ухо:

— Не уходи... Алиса... Останься... Мы ждём...

Меня бросает в холодный пот. Я отступаю назад, натыкаюсь на что-то невидимое, чуть не падаю. Шаги за спиной становятся всё громче, будто кто-то догоняет меня. Я срываюсь на бег. Вижу смутные силуэты — или это просто игра света? Но шепот не стихает, он лезет в голову, царапает изнутри:

— Ты не выберешься... Здесь твой дом... Ты наша...

Я бегу, даже не разбирая дороги, спотыкаюсь обо что-то, руки в ссадинах, колени в грязи, в глазах слёзы — не от боли, а от ужаса. Вокруг всё гуще клубится туман, а шаги теперь повсюду — слева, справа, впереди, позади. Я кричу, но свой голос слышу будто из-под воды:

— Оставьте меня! Пустите!

Туман сгущается до белой стены, мне кажется, что я задыхаюсь. Шёпот превращается в вой, в какой-то нечеловеческий хор:

— Алиса... Алиса... Алиса...

Я выбиваюсь из сил, ноги подкашиваются, но продолжаю бежать, пока не врезаюсь во что-то твёрдое, живое и теплое. От удара дыхание перехватывает, я вскрикиваю и мои плечи сжимают чьи-то сильные будто тиски ладони.

Я вскрикиваю от ужаса и неожиданности и со всего маху ударяю вперед фонарем наобум, но мою руку без труда останавливают.

И тут же раздаётся низкий, чуть отстраненный голос:

— И что это за боевые кошечки здесь бегают, м?

Дорогие читатели!

Хочу рассказать вам о новинке

“Чужая истинная, или Проклятая лавка Попаданки”

<https://litnet.com/shrt/lSnt>

от Лилиан Уайт

Глава 5 - Встреча в тумане

Я врезаюсь во что-то твердое, и тут же сильные руки хватают меня за плечи, не давая упасть.

— И что это за боевые кошечки здесь бегают, а? — раздается над самым ухом низкий голос, в котором смешались мед и яд.

Поднимаю голову — и замираю.

Прямо передо мной стоит с надменной ухмылкой незнакомый темноволосый мужчина, а рядом с ним здоровенный вороной конь, который недобро и настороженно косится на меня, будто ожидая, что я вот-вот брошусь на его хозяина с ножом.

Хотя, сильно сомневаюсь, что я смогу сделать хоть что-то этому жуткому вампириуге или кто он вообще?

Сам мужчина очень высокий — на голову выше меня, хотя и я не маленькая.

Широкие плечи, узкие бедра, и вся эта красота завернута в черный плащ с серебряными застежками в виде змей, делая его еще более пугающим.

Наверняка подбирал специально.

Его лицо — резкое, с высокими скулами и бледной кожей, будто он годами не видел солнца. Губы — тонкие, слегка изогнутые в насмешке.

Но что пугает больше всего — это его глаза. Они темно-фиолетовые, почти черные, и в них нет ни капли тепла.

— Ну? — он приподнимает бровь. — Ты вообще дышишь?

Я резко отшатываюсь, но его пальцы впиваются в мои плечи крепче.

— Отпусти!

— А если не хочу? — он ухмыляется. — Ты же сама ко мне прибежала. Буквально.

— Я не "прибежала", я случайно...

— Случайно? — он перебивает, наклоняясь ближе. — В этом тумане ничего не происходит "случайно".

Он всматривается мне в глаза, чуть прищурившись, после чего медленно изгибает бровь.

— Да ладно? Ты — новая хозяйка Кузницы Теней? Женщина? Годрик видимо совсем отчаялся.

Меня, конечно, зацепил такой тон, но сейчас явно не тот момент, чтобы рассказывать как он неправ.

Скорее, это мне даже на руку.

— Вот и я уверена, что это ошибка. Может, вы скажете ему, что это ошибка? А вообще, просто выведете меня отсюда и я буду вам сильно благодарна.

— Надо же, — ухмыляется мужик. — И насколько сильно?

Я с трудом подавляю в себе желание дать ему по лицу фонарем, чтобы стереть с него бесячую ухмылку.

Но вместо этого улыбаюсь еще шире.

— Сильно-сильно. Так что? Поможете?

— Ты же только что стала хозяйкой, а уже сбегашь, — незнакомец отпускает меня, но не отходит. — Неужели гоблины настолько отвратительны?

— Ну... я знаю кого-то и похуже, — бормочу я, потирая плечи и бросая на него выразительный взгляд, который незнакомец демонстративно игнорирует.

— Ну, раз, они не так уж и плохи, — он смеется, и звук этот будто скользит по коже. — Значит, ты просто дура. Иначе бы не полезла в туман. Неужели за столько лет в деревне не поняла, что из неё не выйти? Хотя, — он снова прищуривается. — Ты же не из Туманной Гривы. Я бы такой огонечек точно заметил.

— Я не отсюда! Я здесь оказалась случайно, – у меня начинают сдавать нервы, но этот вампирюга кажется заинтересовывается всё больше.

– Но тогда, Туман бы не сбивал тебя со следа. Он действует только на местных. Покинуть деревню никто из них не может. А вот посторонние хоть и видят Туман, но могут спокойно приходить и уходить из деревни.

– Потрясающе, – я громко выдыхаю. – Я-то здесь причем?

Он разводит руками.

– Понятия не имею. Самому интересно.

– Так, ладно, – я делаю вдох и максимально спокойным голосом, таким когда в миллионный раз объясняю формулу дискриминанта. – Так вы можете меня вывести из этого тумана?

“Потому что из себя, ты меня уже вывел, мужик “

—Только обратно в деревню, – хмыкает незнакомец.

– Но я так понимаю, что вы как-то с этим туманом связаны и...

– Может и связан, но мой ответ прежний. Ты, искорка, вернешься обратно в деревню. — Вампирюга делает шаг вперед, и туман вокруг нас сгущается, будто слушаясь его. — А ты, должна мне быть благодарна. Иначе, туман бы тебя просто поглотил. Ты в нем бы блуждала вечно.

Его слова звучат как приговор. Я открываю рот, чтобы возразить, но в этот момент туман вокруг нас внезапно расступается, образуя узкую тропу.

— Идем, — говорит незнакомец и хватает меня за руку. Его пальцы холодные, как сталь.

— Я сама...

— Нет.

Он тянет меня за собой, а я, спотыкаясь, едва успеваю за его длинными шагами. Конь идет следом, его горячее дыхание обжигает мне затылок.

Мы выходим из тумана так же внезапно, как и я в него нырнула.

Солнце.

Оно светит тускло, будто сквозь плотную пелену, но после вечного молочно-серого мрака даже это кажется ослепительным. Я моргаю, пытаюсь привыкнуть к свету, и тут замечаю — деревня уже проснулась.

Люди на улицах застывают, увидев нас. Женщина с корзиной яблок роняет ее, и плоды катятся по грязи. Старик у колодца складывает руки в молитвенном жесте.

А потом появляется староста.

— Л-лорд Дарн! — его голос дрожит, как осиновый лист. Он падает на одно колено, чуть не роняя шапку. — Мы не ожидали... то есть... как честь...

Я поворачиваюсь к своему "спасителю".

Так вот ты кто на самом деле "вампирюга".

Тот самый лорд Астиан Дарн.

Нужно было сразу догадаться по надменному лицу.

Астиан Дарн стоит, слегка склонив голову, с извращенно довольным выражением лица. Его пальцы все еще сжимают мое запястье.

— Поднимайся, Годрик, — говорит он, и в его голосе ядовитая сладость. — Я просто вернул твою потеряшку.

Староста поднимает голову, его глаза бегают от Дарна ко мне и обратно.

— Эта девушка... она...

— Она пыталась сбежать, — перебивает Дарн. — Но туман... выпускать её не захотел. Хоть она и не из ваших. Объяснишь?

Староста бледнеет.

– Нашли около колодца и посчитали, что это знак. Тем более, гоблины впервые зашевелились.

Дарн хмыкает.

— Всё еще надеешься, что вам кто-то поможет? Я же сказал, ваше единственное спасение от тумана – это я. Эта рыжая не сможет сделать то, на что вы надеетесь.

Староста мечется, словно заяц перед волком.

— Милорд, мы... мы ни на что особо и не надеялись, просто...

— Врешь, — Дарн улыбается. — Но мне все равно.

Он наконец отпускает мою руку и делает шаг назад.

— Впрочем, раз вам так нравится тешить себя напрасными иллюзиями, то вот твоя "хозяйка", Годрик. — Его голос звучит так, будто он дарит ребенку разбитую куклу. — Смотрите за ней лучше. А то и её потеряешь.

Хоть Дарн явно угрожает мне, но староста бледнеет, будто ему самому только что пригрозили виселицей.

Я стою, сжав кулаки, и чувствую, как гнев пульсирует в висках.

— Вы закончили меня обсуждать, как вещь? — шиплю я.

Тишина. Даже ветер перестает шуметь.

Астиан Дарн медленно поворачивается ко мне. Его глаза вспыхивают фиолетовым огнем.

— О, она еще и дерзкая, — говорит он, и в его голосе смесь раздражения и интереса. — Может, все-таки оставить тебя себе, а не гоблинам отдавать?

Я не отвожу взгляд.

— Попробуйте.

Мгновение.

Два.

Потом он смеется — низко, тихо, будто шелест падающих листьев.

— Ладно, искорка. — Он поворачивается к коню. — Но запомни: я не люблю, когда мне мешают. Поэтому, найди себе другое занятие. Платица шей или цветочки собирай. Это мой тебе дружеский совет.

И прежде чем я успеваю ответить, он вскакивает в седло одним плавным движением.

— До встречи, — бросает он через плечо. — В следующий раз, возможно мы с тобой пообщаемся поближе.

Он подмигивает, а после, исчезает в тумане, который смыкается за ним, как занавес.

Лорд Астиан Дарн – собственной персоной)

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в увлекательную новинку Рины Мадьяр

«Жена в уплату долга. Мыловарня на отшибе»

<https://litnet.com/shrt/lah3>

Глава 6 - Цели

Когда лорд Дарн скрывается в тумане, ненадолго повисает тяжелая тишина, после которой Годрик раздраженно цокает языком.

– Что ж ты натворила-то, бесшабашная? Мало того, что сама чуть в тумане не сгинула, так еще умудрилась и на лорда Дарна наткнуться! Да тебе нужно было избегать его до последнего! На руку ему туман, а ты та, которая может от этого тумана избавиться.

У меня от всего этого дурдома начинает болеть голова и я сжимаю пальцами виски, после чего выдыхаю:

– А может мне хоть кто-нибудь объяснить, что здесь вообще происходит?

– Я же говорил! Четко и понятно – ты должна заставить... – Раздражается Годрик, но его прерывает высокая, приятной мягкой внешности женщина.

– Перестань. Не видишь, бедняжка ничего не понимает. И тем более, явно не из наших краев, хоть и попала к нам неизвестно как. Ты хоть ела, дорогая? – Она обращается она уже ко мне. – Кстати, как твое имя? Мое имя – Лира. Я местная травница и немного целительница.

Я настолько отвыкла за последние сутки к чему-то хорошему, что даже не сразу понимаю, что она говорит со мной.

Я ошарашенно смотрю на Лиру, пытаясь подобрать слова. Желание ответить на её заботу борется с глухим раздражением, которое подкидывает Годрик. Кажется, ещё немного — и я или рассмеюсь, или заплачу, а может, всё сразу.

– Я... – после всех забегов по туману, язык слушается с трудом, – меня зовут... – будто бы впервые за долгое время вспоминаю своё имя, – Алиса.

Лира кивает, улыбаясь чуть шире.

– Очень приятно, Алиса. Пойдём, я тебя накормлю и чаю заварю. Тут, знаешь, всё всегда легче воспринимается с кружкой чего-нибудь горяченького.

Годрик фыркает, но, кажется, тоже немного сдает обороты.

– Чай, значит... – бормочет он себе под нос, но больше не перебивает.

Я иду за Лирой, краем глаза отмечая, как густой туман за окном будто бы прислушивается к каждому нашему шагу. В маленькой кухоньке пахнет сушёными травами и чем-то сладким. Лира суетится возле печки, ставит чайник и, не оборачиваясь, говорит:

– Не бойся, Алиса. Здесь тебе никто зла не желает. Просто... у нас сейчас трудные времена. Лорд Дарн с одной стороны помогает нам. Без него мы бы здесь попросту сгинули, но с другой... – она замолкает, подбирая слова, – мне кажется он может победить туман. Но просто не хочет.

Я сажусь за деревянный стол, кладу руки на колени и, наконец, выдыхаю.

– Лира, объясни мне, пожалуйста, кто такой этот Дарн, откуда этот туман... и почему я вообще могу на него влиять?

Она оборачивается, её глаза спокойные и тёплые.

– Ты не можешь непосредственно на него влиять. Но мы все очень надеемся, что ты способна заставить его исчезнуть.

– Но почему? – Я вскидываю руки.

– Потому что ты смогла зайти в кузницу и тебя приняли гоблины. А без них, точнее без их участия ничего не выйдет. Ну и есть еще третий момент.

Видя мое непонимание Лира улыбается и садится напротив меня.

– Когда-то наша деревня была известна лучшей кузницей и тем, что здесь жил величайший темный маг Эрегор. настолько сильный, что он без проблем побеждал присланных за ним драконов. Он был достаточно жесток, но чаще всего просто сидел в своей башне на холме и

поэтому, видели его мало. Но однажды, в этой самой кузнице он создал артефакт невероятной силы — Жезл Теней. С помощью которого он мог призывать и управлять самыми жуткими порождениями тьмы. И эти твари начали убивать жителей. Не только нашей деревне, но и всего южного предела. Преимущественно молодых девушек и детей. И в один момент терпение жителей лопнуло. Победить порождений тьмы никто не мог, но вот сам Эрегор был смертен. И вот, одна девушка напросилась к нему в горничные, смогла расположить к себе и даже влюбить. После чего, смертельно ранила его, а жезл разбила. И перед смертью Эрегор проклял и её и всю деревню. Согласно проклятию, жители больше не смогут покидать деревню, до тех пор, пока не восстановят в той самой кузнице жезл Теней.

— И после этого появился туман? — Хмрюсь я.

Лира качает головой.

— Нет. Жители просто не могли уйти. Но это было не самое страшное. Хуже то, что каждую неделю в деревню вновь врывались твари, пожирая всех кто не успел спрятаться. Так прошло около сотни лет, а потом появился лорд Дарн. После его первых же визитов, набег тварей сократился до одного раза в полную луну и в это же время приходит он. Но с тех же самых пор, появился и этот зовущий туман. Так, что... туман это точно его рук дело. Да и на тварей он способен влиять.

— То есть этот... этот высокомерный тип в плаще —

— Темный маг, да, — кивает подошедший Годрик.

Я сжимаю виски.

— Ладно, допустим. Но почему я должна верить в эту сказку про "разбитый жезл"? И что он поможет?

Годрик фыркает:

— А ты попробуй не верить. Посмотрим, как далеко уйдешь.

Я киваю.

Да, весомый аргумент.

— Хорошо, — ставлю кружку на стол. — Допустим, я согласна. Что нужно для жезла?

Лира достает пожелтевший пергамент и разворачивает его передо мной.

— Семь компонентов.

Я пробегаю глазами список:

Сердце Теней (в башне Эрегора, в тумане)

Клык Древнего Змея (в болотах за деревней)

Звездная Пыль (только в ночь падающих звезд)

...

— Подождите, — перебиваю я. — Половину этого нельзя найти в деревне!

— Вот именно, — хмурится Годрик. — А ты считала, что все так просто? Это еще одна проблема. Мы должны каким-то образом получить эти ингредиенты не имея возможности выйти за пределы за пределы.

— М-да, интересно, — я задумываюсь. — Впрочем, вариант есть. Кстати, а что за третий момент про меня о котором вы говорили?

Лира с улыбкой переглядывается с Годриком.

— То, что ты невероятно похожа на девушку, которая влюбила в себя Эрегора и разбила жезл Теней в прошлом.

Бытовое фэнтези, приправленное юмором и приключениями от

Арины Лунной

Попаданка для Дракона. Проклятье заброшенной пекарни

<https://litnet.com/shrt/lCee>

Глава 7 - Сама-сама

Я застываю с кружкой в руках, чувствуя, как по спине пробегают мурашки — холодные, неприятные, будто кто-то только что прошёлся ледяной рукой от шеи до поясницы. Сердце почему-то начинает биться чаще, а пальцы судорожно сжимают керамику, словно только она держит меня на плаву в этом странном разговоре.

— Я... что? — голос звучит тише, чем хотелось бы.

Лира улыбается. Но этот её взгляд — не тот, что раньше. В нём мелькает что-то тревожное, настороженное, словно она не до конца уверена, можно ли говорить дальше. Она медленно мотает головой, будто вспоминая что-то своё, далёкое, давно забытое.

— Ты вылитая Лилиан, — наконец говорит она. — Та самая, что когда-то... ну, в общем, ты ведь поняла, правда?

— Нет, не поняла! — я резко стучу кружкой по столу. Керамика звякает, отзывается глухим эхом по всей комнате. — Какое отношение я могу иметь к вашей древней истории? Я вообще-то из другого мира! Мне здесь всё чужое!

Годрик хмыкает, как будто мои слова его только забавляют:

— Туман никогда не выбирает просто так, — говорит он, будто это что-то само собой разумеющееся.

Я открываю рот, чтобы возразить, но тут же опускаю плечи — какой смысл? Кажется, они уже всё для себя решили. Вместо споров пытаюсь вернуть разговор к реальности:

— Ладно, давайте оставим эту мистику и загадки. У меня тут реальные проблемы: я не могу даже нормально переночевать в той вашей кузнице — там дыра в крыше, сквозняки такие, что зуб на зуб не попадает, а гоблины только и норовят что-нибудь стащить. А инструменты... ну, их же вообще нельзя назвать рабочими!

— Ржавые и сломаны, — кивает Годрик с видом большого знатока. — Мы в курсе, Алиса.

Я фыркаю, не скрывая раздражения:

— Вот это, конечно, радует. А раз кузня так важна для всей вашей деревни, может, можете её восстановить, а?

Годрик тут же начинает мотать головой так энергично, что я опасаюсь — она сейчас отвалится и покатится по полу.

— Нет-нет, извини. Но хозяйка кузницы теперь ты. Значит, и заниматься ею теперь только тебе.

Я сжимаю кружку так, что костяшки белеют. Стараюсь дышать ровно, чтобы не сорваться:

— Вы сейчас серьёзно? Одна со всем этим?

Лира отводит глаза, сосредоточенно перебирает сушёные травы, будто вдруг вспомнила, что у неё срочное дело. Годрик разводит руками, пожимает плечами:

— Никто из деревни не войдёт в Кузницу Теней. Ни за что. Просто смирись с этим.

— Но вы же сами сказали — её надо восстановить! — напоминаю я, всё ещё надеясь на хоть толику помощи.

— Ты — хозяйка кузницы, — спокойно повторяет Годрик, будто это всё объясняет. — Твоя проблема.

Я с грохотом опускаю кружку на стол, и вся посуда в комнате звенит, прыгая на скатерти:

— Отлично. Просто великолепно. Но хоть материалами вы можете?

Годрик снова цокает языком — уже в который раз — и я чувствую, как он начинает меня раздражать всё больше и больше.

— Материалов в деревне не так много, — говорит он медленно, — но чем сможем — тем поможем.

— Чем сможете, да? — я поднимаю брови, чувствую, как сквозит сарказм. — То есть мне сейчас идти чинить крышу из палок и надежды?

Годрик пожимает плечами так, словно это самая обыденная вещь на свете:

— Есть пара досок, мешок гвоздей... Ну, и старое одеяло. Вдруг пригодится.

Лира, наконец, поднимает на меня глаза — в них читается сочувствие, но и некоторая отстранённость:

— Если понадобится, я могу дать немного смолы. Только чуть-чуть — она нужна для лодки старика Кира. Я тяжело вздыхаю. Здесь всё почему-то "чуть-чуть". Даже помощи дают по капле. — Спасибо, — бормочу я, не уверена, что говорю это искренне. — А инструменты? Хоть что-то рабочее найдётся?

Годрик задумчиво чешет подбородок, потом машет рукой:

— Сходи к Мареку, плотнику. У него должны быть лишние молотки. Только не жди чудес — сам понимаешь, деревня бедная.

— Я уже поняла, — улыбаюсь я слабо, опуская взгляд.

Лира вдруг становится серьёзнее, будто решается на что-то важное:

— Алиса, если честно... Никто не хочет связываться с Кузницей Теней. Кто туда заходит — того считают проклятым.

Я усмехаюсь, но в голосе горечи больше, чем смеха:

— Знаешь, я уже это заметила. Ладно, если у вас всё — пойду к своим новым друзьям-гвоздям и доскам. Нужно же мне как-то латать крышу.

Годрик кивает, и через несколько минут мне выдают эти жалкие строительные припасы: пару досок, мешочек гвоздей, ветхое одеяло и баночку смолы.

Я выхожу в промозглый, сырой воздух туманной деревушки. Ветер тут же вцепляется в волосы, тянет подол платья, будто проверяет на прочность — выдержу ли я ещё один день в этом месте.

Кузница встречает меня привычной сыростью и запахом железа. Из темноты доносится шорох — наверное гоблины, а может, если повезёт, просто мыши.

Я раскладываю доски у стены, примеряюсь, как бы заткнуть дыру в крыше. Гвозди ржавые, молоток тяжёлый, но выбора у меня нет.

На мгновение закрываю глаза, позволяя себе представить, каким мог бы быть этот дом: ровная крыша, светлый очаг, настоящие, блестящие инструменты, тепло и уют. Но открыв глаза, возвращаюсь в реальность — здесь только я, гоблины и проклятая, неработающая кузница.

Тем более, кузница выглядит еще более мрачной, когда понимаешь, что справляться со всем придется одной.

В этот момент из развалин не спеша показываются гоблины:

— Набегалась, “хозяйка”, — хмыкает Клык. — Кстати, а почему одна? Где твои друзьяшки-человечки?

— Сдохли по дороге, — бросаю я, хватая первый попавшийся молоток. Ржавый. Кривой. Беспольный.

Клык скрещивает руки:

— Ну что, хозяйка, где твой великий план?

Я осматриваю кузницу. Дыра в крыше. Развалившийся горн. Инструменты, похожие на археологические находки.

— План простой, — говорю я. — Вы работаете. Я руковожу.

Гоблины взрываются хохотом.

– Ты правда в это веришь?

Я вздыхаю и спокойно смотрю на Клыка, который явно у них за главного.

– Конечно. Я ведь угадайте кого встретила? Вашего дорогого лорда Дарна. И знаете, что он сказал?

– Что? – Настораживается Клык.

– Что собирается присвоить кузницу себе. Так, что, – я развожу руками. – Выбор у вас такой себе. Либо милая хозяйка в лице меня, либо ужасающий и отвратный хозяин в лице Дарна. Решайте.

Дорогие читатели!

У Мариш Кимстартовала увлекательная история:

“Лавка травницы. Дайте поспать, граф!”

<https://litnet.com/shrt/lmfk>

Глава 8 - Обход владений

Гоблины переглядываются, и Клык в очередной раз подтверждает свой статус негласного лидера, потому что говорит за остальных.

– Ну, тот магический слизняк Дарн нас точно будет бесить, поэтому, так и быть, можешь поработать здесь. Кузнецу восстановить, нас порадовать. И кстати, мы очень любим, когда женщина готовит нам что-нибудь вкусное.

– Какое совпадение, – я широко улыбаюсь, стараясь скрыть нервозность.

– Ты как раз хорошо готовишь? – оживляются гоблины, с надеждой косясь на меня, но я только качаю головой.

– Нет. Я тоже люблю, когда мне готовят что-нибудь вкусное. Причём, не важно – женщина или мужчина. Ну, и раз у нас так много общего, – я не даю продолжить явно начинающему говорить Пузу. – Давайте тогда вместе начнём уже делать что-нибудь полезное.

Я оглядываюсь вокруг уже совсем другим взглядом – не рассеянным, а деловым. Нужно оценить масштаб катастрофы, чтобы понять, с чего вообще начинать.

А масштабы... впечатляют.

Горн, который должен пылать, напоминает каменный гроб, треснувший посередине, словно кто-то пытался вырваться наружу. Инструменты – точнее, ржавые обломки и искорёженные железки – разбросаны по углам, будто их забросили сюда в приступе отчаяния. В воздухе висит глухой запах плесени, гари и чего-то кислого, словно тут годами тухла рыба.

Я шумно выдыхаю через нос, на секунду прикрывая глаза и мысленно обещая себе не сдаваться. Затем поднимаюсь на второй этаж, надеясь, что там всё не настолько плохо.

Напрасно надеялась.

Тут даже хуже, чем я могла представить.

Это не дом. И не кузница. Это – труп и того, и другого.

Сквозь дыры в крыше льётся тусклый свет, рисуя на полу пятна, похожие на пролежни на спине тяжёлобольного пациента. Стены покрыты паутиной и странными царапинами – будто здесь дрались медведи с саблями. Где-то в темноте скрипят балки, угрожающе напоминающие о своей ветхости.

— Мать моя женщина... — срывается у меня с губ.

Я делаю осторожный шаг, и пол с пугающим стоном прогибается под ногой. Кажется, здание вот-вот сложится, как карточный домик. Где-то в углу, на гряде грязных мешков, покрытых зелёной слизью, похрапывает Шнырь.

— Вы... вы здесь живёте всё это время? — не верю своим глазам.

— Ага, — Клык выходит из тени, жуя что-то липкое. — Тепло, уютно, крыша... ну, почти есть.

Я медленно обхожу помещение, фиксируя катастрофу:

- Крыша: дыры, гнилые балки, птичьи гнёзда в стропилах.

- Горн: трещина до самого основания, зола столетней давности.

- Инструменты: молотки согнуты, клещи слиплись от ржавчины, наковальня поросла мхом.

- Уголь: три жалких куска в разорванном мешке.

Я разворачиваюсь к гоблинам и торжественно провозглашаю:

— Это не кузница. Это памятник лени.

— Ага, и ты его хозяйка, — Клык плюёт на пол. — Поздравляю!

— Спасибо, – киваю я, — а теперь серьёзно.

Мы все снова спускаемся вниз. Я подбираю обугленную палку, лежащую у горна, и начинаю выводить на стене список проблем, которые нужно решать прямо сейчас:

1. Крыша – дыра размером с телегу.

2. Горн – мёртв, и не факт, что его получится нормально раздуть.

3. Инструменты – ржавые, сломаны, часть "стратегически перераспределена" гоблинами.

4. Запасы угля – есть только пыль и пауки.

– Эй-эй, – проснувшийся Шнырь тут же тычет пальцем в пункт третий, — Это не украдены! Это... э-э-э... стратегически перераспределены!

Пузо фыркает, развалившись на ящике:

— А я говорил — зря мы того кузнеца съели. Теперь хозяйка мозги нам пудрит. А тот сидел себе спокойно, пил. Ну и продавал всё, что было. А мы...

– Очень интересно, но давайте прибережём эти потрясающие истории на вечера в моей старости, – прерываю я Пузо и разворачиваюсь. – Так, Клык, — поворачиваюсь к главарю, — нужно заняться крышей.

Клык скалится, демонстрируя острые зубы:

— А ты что, крышу чинить будешь? С такими-то ручонками?

Я складываю руки на груди.

– Нет, дружище. С такими-то ручонками я буду указывать, куда класть доски, — вкладываю ему в лапу (руку? когти?) гвоздь, — а ты будешь их прибивать.

Клык закатывает глаза, но на удивление протягивает:

– Ладно. Так уж и быть. Но только потому что мне нечем заняться.

Вдруг он хмурится и останавливается.

– А ну, стоять. Как ты меня назвала?

– Эм... дружище? – неуверенно повторяю я.

– Нет, раньше. Ты с чего меня Клыком назвала?

Я теряюсь и пожимаю плечами.

– Ну, а как ещё?

– Вообще-то у нас имена есть, – оскорблённо замечает Клык.

И я моргаю.

– Seriously?

– А чего это ты так удивляешься? – Прищуривается Клык. – Мы для тебя кто? Зверушки?

Ну, на самом деле, именно так я про них и думала, но сейчас становится стыдно. Да и вообще, главное сейчас весь прогресс в отношениях не потерять.

Поэтому, я преувеличенно эмоционально взмахиваю руками.

– Что? Нет! Конечно нет! Я имела в виду – серьезно? Вы правда не поняли почему я не называю вас по имени? Вы же не представились.

Гоблины переглядываются.

– Ты вообще-то тоже.

– Справедливо, – признаю я и протягиваю руку. – Алиса.

– Гриззл, – представляется уже официально Клык (эх, мое прозвище ему идет больше).

Шнырь оказывается Шифтом, Пузо – Бриком, а Щель – Тинком.

Так, теперь главное не забыть.

– Ну, раз познакомились, то тогда..., – начинаю было я, но вдруг Гриззл-Клык властно поднимает ладонь.

– А ну, тихо.

Мы все замираем и я отчетливо слышу пронзительный и почему-то пугающий звон колокола от звука которого по коже пробегает дрожь.

Что происходит?

Дорогие читатели!

У Марии Кимстартовала увлекательная история:

“Лавка травницы. Дайте поспать, граф!”

<https://litnet.com/shrt/ld8c>

Глава 9 - Защита

Звон колокола раскалывает тишину, как если бы гигантский железный лом вонзился прямо в череп. Вибрация проходит по костям, отдается в зубах, заставляя их противно стучать в такт набата. Я замираю, вжимаясь в стену, а гоблины, будто перепуганные тараканы, бросаются к углам, к стенам, к тёмным щелям. Их когти с противным скрежетом царапают по камню, глаза вспыхивают безумным жёлтым светом.

— Твари... — шипит Гриззл, прижимаясь к щели в ставне, глаза его мечутся в поисках опасности. — Их не должно быть сейчас. Не время.

— Какие твари? — мой голос звучит слишком громко, дрожит на грани истерики. — Неужели те, из тумана?

Шифт резко поворачивается, его морщинистое лицо искажается гримасой чистого страха:

— Те, что оставил Эрегор. Те, что жрут плоть и высасывают душу через глаза. Они чуют новую кровь.

Твою же ж...!

Чёрт, лучше бы я не спрашивала.

За окном что-то заскреблось, сначала тихо, как будто ветка царапает стекло, потом всё громче — длинные, медленные царапины, будто железом по кости. Воздух наполняет приторный, сладковатый запах гнили, словно кто-то вылил на тухлое мясо банку мёда.

Удар колокола повторяется, ещё сильнее, будто стальной кулак обрушивается на храмовый колокол прямо у тебя в голове. Где-то в деревне раздаётся крик ребёнка — короткий, оборванный, как будто его перерезали ножом. Ещё удар — и стёкла в окнах дрожат, а воздух наполняет протяжный вой, нечеловеческий, словно скрежет пилы по кости.

— Закрыть всё! — визжит Гриззл, хватая доску и бежит к двери. — Щели, дыры, всё! Раньше им было плевать на нас, но из-за неё они точно сунутся.

Гоблины мечутся, как ошпаренные, хватают всё, что можно, чтобы залатать дыры. Гриззл тащит мешки с углём к дверям, Шифт карабкается на балки, затыкая тряпьем дыры в крыше. Даже Брик забывает про лень — его толстые пальцы дрожат, но он забивает гвозди в рассыпающиеся ставни.

— Что это?! — кричу я, прижимая доску к окну. В этот момент по деревне прокатывается вой — густой, низкий, от которого у меня по спине бегут мурашки.

— Эрегоровы псы! — Гриззл бросает на пол железную пластину, она глухо гудит. — Значит, точно учуют тебя.

За стенами что-то тяжело дышит. Туман ползёт по полу, вползает в щели, превращаясь в липкие нити, похожие на паутину гигантского паука. Мы работаем в бешеном ритме — Шифт срывает с себя плащ, затыкая им дыру под потолком, Тинк выламывает доски из пола, подпирая ими дверь. Я лезу на стол, пытаюсь закрыть самое большое окно, но порыв ветра вырывает доску прямо из моих рук.

— Сюда! — Гриззл подставляет спину, я встаю на него, чувствуя его горячую кожу даже через подошву ботинка. Снаружи раздаётся скрежет — будто кто-то точит когти о камень.

— Быстрее! — орёт Брик. Я вбиваю последний гвоздь, но не успеваю даже выдохнуть с облегчением, как...

Из-под двери появляется первый коготь — чёрный, блестящий, как нефрит, медленно вонзается в дерево, оставляя в нём глубокую борозду. За ним появляются ещё — когти, щупальца, тени, туман.

— Они здесь, — шепчет Тинк, прижимаясь к стене, глаза его расширены, в них отражается ужас.

В этот момент щель в потолке разрывается с оглушительным треском. Куски штукатурки сыплются на пол и на меня, в воздухе стоит пыль, и прямо сквозь неё, как из кошмара, проваливается чудовище — двухметровый комок вздувшихся мышц, покрытых чешуёй, с пастью, утыканной кривыми иглами. Вместо глаз у него — две пустые воронки, из которых сочится густой чёрный дым. От одного его вида холодеет спина и перехватывает дыхание, будто бы из комнаты вытянули весь кислород.

— Алиса... — сипит тварь скрипучим голосом, и моё имя в её пасти звучит как приговор, как раскат грома, от которого хочется зажать уши. Все замирают, будто бы время остановилось. Даже Брик, который обычно не знает страха, на миг отступает.

И вдруг Гриззл — несдержанный, лохматый, с искрами в глазах — неожиданно бросается на чудовище. Его когти с лязгом царапают чешую, но тварь даже не вздрагивает. Она отмахивается мощной лапой, и Гриззл, как тряпичная кукла, летит в стену. Со стоном он оседает на пол, оставляя за собой длинную борозду из крови и пыли.

Шифт, не колеблясь ни секунды, бросается на спину твари, вонзает зубы, выдирает клочья тёмной чешуи. Но это не приносит никакого эффекта: чудовище с лёгкостью сбрасывает его, как назойливого комара. Шифт с глухим звуком падает рядом со мной, тяжело дыша.

Я не успеваю подумать — только чувствую дрожь в руках и бешеное биение сердца. Оглядываясь — и замечаю в затухшем горне старый, почерневший от времени железный прут. Не давая себе времени на сомнения, хватаю его обеими руками, чувствую холод металла, и с криком вонзаю прут в бок чудовища. Металл входит внутрь легче, чем я ожидала, — там, где, казалось, должна быть неуязвимая броня, оказывается что-то рыхлое, податливое, почти студенистое.

Тварь взывает, из раны вырывается поток чёрных, шевелящихся личинок. Они с шипением оседают на пол, тут же начинают разъедать дерево, превращая доски в труху, издают отвратительный запах гнили и серы.

— Огня! — кричу я.

Брик не раздумывая бросает в личинок факел, но он тухнет в воздухе — будто что-то невидимое вытягивает всю энергию пламени, превращая его в дымящееся уголье. Личинки только шипят громче, расползаясь по полу, оставляя за собой жирные чёрные следы.

И вдруг в голове будто бы что-то щёлкает. Как будто я вспоминаю что-то важное, забытое давным-давно. Я выхватываю факел, швыряю его в потухший горн — и в тот же миг изнутри вспыхивает слепящее зелёно-оранжевое пламя. Оно вырывается столбом, взметая вверх обугленные угли, отбрасывая на стены жуткие, пляшущие тени.

Чудовище отшатывается, рычит, и я понимаю: оно боится этого огня. Не обычного, а именно того — живого, разгорающегося вопреки всему.

Я хватаю первую попавшуюся дощечку, поджигаю её в горне и, не думая о последствиях, швыряю прямо в чудовище. Дощечка летит, крутится в воздухе, врежется в бок твари.

Хлоп!

Личинки взрываются, разрываясь едкой слизью, которая с шипением оседает на всех нас. Кожа горит, хочется закричать, но мы ещё держимся.

Победу праздновать слишком рано. Тишина длится всего миг, и тут стены вокруг начинают трещать. Из каждой щели, из-под плинтусов, даже из трещин в потолке начинают появляться когти. Сначала одна, потом другая, потом десятки, сотни. Они цепляются за всё, что можно, тянут за собой ещё чудовищные лапы, чешую, щупальца.

Пол прогибается, доски скрипят под натиском. Я понимаю с ужасом — мы не сможем отбиться. Просто не сможем. Их слишком много. Они окружили нас, и прорваться могут в любую секунду.

Дорогие читатели!

Предлагаю Вам познакомиться с захватывающей новинкой от
Виктории Луцкой

Сиротка для дракона, или хозяйка проклятого поместья.

<https://litnet.com/shrt/ln9a>

Глава 10 - Спасибо?

Я делаю шаг назад, но в следующий миг из одной из дыр в крыше вырываются чёрные щупальца, и одно из них впивается мне в плечо. Острая боль пронзает тело — я кричу, валюсь на колени, пальцы скользят по холодному камню. Кровь горячей струёй течёт по руке.

В кузню вваливается тварь с клювом скорпиона — щупальца извиваются, она заносит клешню прямо надо мной. Я зажмуриваюсь от ужаса, сердце бешено колотится, но в следующий миг воздух взрывается ледяным вихрем.

Твари застывают, будто замороженные в стекло. Тишина звенит в ушах. Из разломанной двери спокойно шагает Астиан Дарн — его плащ вздымается, как крылья ворона, шаги звучат пугающе спокойно на фоне недавнего хаоса.

— Пошли вон, — бросает он.

Голос у него не громкий, но твари взывают и, отползая к стенам, исчезают в тенях. Я, задыхаясь, с трудом поднимаюсь, кровь жжёт рану, но не отвожу взгляда от Дарна.

— Это ты их наслал, да?! — выкрикиваю я, голос дрожит от ярости и страха. — Ты устроил эту бойню!

Дарн приподнимает бровь, медленно обводит взглядом разруху. Его губы дрожат в едва заметной усмешке:

— О, какое жестокое обвинение. — Он делает шаг ко мне, и тени под ногами извиваются, как змеи. — А может, я весь из себя хранитель света и несу в этот мир лишь добро?

— Добро?! Ты?! — я смеюсь истерично, хватаю обломок клинка, едва удерживая его дрожащими пальцами. — Мне сказали, что туман появился из-за тебя. Да и твари тебя слушают. Да уж, просто образчик хорошего парня.

— Даже если и слушают, — он склоняет голову, фиолетовые глаза сверкают — тогда почему ты до сих пор жива, раз я злодей, м? Я ведь мог просто приказать разорвать тебя...

Его палец касается моей раны. Я вздрагиваю и невольно зажмуриваюсь, ожидая новой боли, но вместо этого плоть затягивается ледяным ожогом. Холод пробегает по телу.

— Будь благодарна, кошечка. Без меня они бы выгрызли тебя до костей.

Я отшатываюсь, но он хватает меня за запястье, хватка обжигает холодом.

— Ты так любишь обвинять... — он притягивает меня ближе, его дыхание пахнет снегом и пеплом. — Но разве тебе не сказали, что эти твари — последствия разбитого жезла, который уничтожили жители этой деревни? Что я сдерживаю их, пока такие очаровашки, как ты, плюют мне в спину?

— Врёшь! — вырывается у меня, но в голосе уже нет уверенности.

Он смеётся, отпуская мою руку:

— Конечно, вру. — Тени за его спиной сверкают когтями. — Но тебе ведь нравится верить в простые сказки? Злой маг, несчастная деревня...

Гризл, приподнимаясь на локте, хрипит из угла:

— А может, хватит болтать? Если эта рыжая ещё сносная, то очередного тёмного отброса здесь видеть совсем не хочется.

Дарн бросает на него взгляд, и гоблин тут же затихает, будто придавленный невидимой силой.

— Странно, тебе столько десятилетий, а так и не понял, с кем и как нужно разговаривать. А значит... — он сжимает ладонь в кулак.

Фиолетовые глаза вспыхивают аметистовым огнём, а Гризл хватается за горло и хрипит.

— Нет! — Я вскакиваю. — Прекрати!

— С чего бы это? — Дарн изгибает бровь. — Я же злодей. Могу убивать направо и налево.

— Да брось, это же комплимент был, — я неловко улыбаюсь, отчаянно пытаюсь разрядить ситуацию. — Плохие парни — это же самый огонь, всем девушкам нравятся. Отпусти гоблина, ладно? Он уже всё понял и будет вести себя хорошо.

— Что-то сомневаюсь, — усмехается Дарн, продолжая удерживать кулак. — Хотя, знаешь, я отпущу при одном условии.

Ожидаемо... никогда ничего просто так не бывает.

— И что же за условие?

— Ну, ты же сказала, что плохие парни всем нравятся. Вот и докажи, — Астиан медленно опускает подбородок. — Сходи со мной на свидание.

— На свидание? — я давлюсь воздухом. — С кем? С тобой? Знаешь, этот гoblin мне не настолько дорог.

Дарн пожимает плечами:

— Ну, как пожелаешь.

Его глаза вспыхивают ярче. Гриззл неестественно вздрагивает, и мои нервы не выдерживают.

— Ладно-ладно, спокойно. Это была шутка. Схожу я с тобой на свидание.

— Чувство юмора у тебя так себе, — язвит Астиан. — Но, так и быть. Я-то знаю, что это показатель интеллекта. Поэтому не буду к тебе особо строг. Ожидания изначально были заниженными.

— Ну, знаешь... — я вся вспыхиваю, но Дарн не дослушивает.

— Приду за тобой в полночь. Будь готова.

Он разжимает ладонь, и Гриззл с глухим стуком падает на пол, громко хватаясь за горло. Его плечи подрагивают, дыхание сбито, он с трудом втягивает воздух, будто впервые в жизни учится дышать. Глаза его полны ужаса, а на шее уже проступает багровый след от темной магии Дарна. Сам Дарн даже не смотрит на него — разворачивается на каблуках и мягко скользит в сторону выхода. Его фигура стремительно растворяется в тени, в воздухе мгновенно становится холоднее, будто он уносит с собой часть света.

— Ты! — Я с трудом сдерживаю дрожь и указываю на Гриззла пальцем, который сам по себе предательски трясётся. — Ты мне теперь по гроб жизни обязан, ясно тебе? Я из-за тебя вынуждена идти на свидание с этим жутким мужиком! Ты вообще понимаешь, насколько я попала?!

Гриззл в ответ только хрипит, все еще не в силах говорить, но виновато смотрит на меня снизу вверх. Мне хочется наорать на него еще сильнее, но тут ко мне подходит Шифт — как всегда спокойный и немного ехидный.

— Да не переживай ты так, — говорит он, приобнимая меня за плечи, будто мы старые друзья. — Наверняка он просто захочет зачать с тобой наследника. Самка ты, что надо! Хотя, конечно, худовата немного, но уверен, Дарн тебе это простит. Такой уж он, великодушный парень.

Я нервно улыбаюсь, пытаюсь не разреветься прямо сейчас от усталости и абсурдности ситуации.

— Спасибо, — выдавливаю я с сарказмом, — теперь мне и впрямь стало легче. Всего-то — зачать наследника с темным магом-психом. Пф, мелочи жизни, ага... А потом, может, еще и семейный ужин устроим, почему бы и нет?

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в новинку от Дины Нежиной и Анны Пфари

Попаданка в сказку.
Проклятье красной розы
<https://litnet.com/shrt/lu4S>

Глава 11 - Обход

Стараясь отогнать от себя мысли о свидании с самым жутким мужиком в моей жизни, я сосредотачиваюсь на актуальных проблемах. А именно – решению, где мне спать.

Кузница в потрясающих дырах и щелях, сквозь которые сквозит ветер и заглядывает туман.

Поэтому, мне нужно найти самую не пострадавшую комнату и обязательно с дверью.

Потому что просто так спать в одном помещении с гоблинами у меня нет никакого желания.

Впрочем, мысли о предстоящем "свидании" с Астианом Дарном всё равно лезут в голову, как назойливые осы. Я яростно трясу головой, пытаюсь вышвырнуть их прочь. Сейчас важнее другое: крыша над головой, которую не сносит ветром, и дверь, которая запирается.

Спать в одном помещении с гоблинами – это как дремать в клетке со стаей голодных росомах.

Может попроситься к Лире?

Хотя, мы с ней и не знакомы практически. Вряд ли она согласится.

Да и в любом случае, нужно обустроиться здесь. Каждый раз, я ведь не смогу проситься к ней.

Нет. Нужно найти себе постоянное место для ночовки хотя бы в первое время, а потом уже поговорить с Годриком и выпросить у него отдельный дом.

Деревня в любом случае не выглядит так, будто ей грозить перенаселение, поэтому уверена, что свободные дома здесь точно есть.

Поиск убежища начинается с обреченной попытки освоить второй этаж. Лестница скрипит под ногами так предательски, что кажется, вот-вот рассыплется в труху. Ступеньки прогибаются, как картон под тяжестью кошки. Наверху меня встречает картина апокалипсиса: огромные провалы в полу, сквозь которые прекрасно виден первый этаж и ухмыляющиеся рожи гоблинов, наблюдающих за моими мучениями. В углу валяется обглоданный до блеска скелет какой-то крупной птицы – напоминание о чем-то сытом прошлом. Ветер гуляет сквозь щели в стенах, завывая мрачную, безнадежную песню. Холодный, сырой воздух пробирает до костей.

— Здесь жил последний хозяин? Или его останки?— бормочу я, потирая замерзшие руки и поспешно отступая к лестнице. Ответа, кроме нового порыва ветра, не следует.

Чердак оказывается царством абсолютного ужаса.

Паутина здесь не просто паутина – это настоящие канаты из пыли, времени и липкой слизи, свисающие толстыми занавесками. Стоит мне поднять факел (обугленная палка, найденная в углу), как свет выхватывает из мрака мириады маленьких, блестящих глаз, уставившихся на меня из каждого угла, из-за каждой балки. Что-то громко шуршит в глубине, за грудой покрытых плесенью тряпок – звук, напоминающий кости, волочимые по полу. Запах стоячей воды, плесени и чего-то мертвого бьет в нос.

О, блиииин! Я даже не хочу знать, что там такое!

Сердце колотится где-то в горле. Я захлопываю люк с таким грохотом, что снизу доносится ругань Гриззла.

Нет. Туда я не полезу. Ни за что!

Спускаюсь вниз, чувствуя себя побежденной. Внизу меня поджидает Гриззл, уперший руки в бока. Он тычет грязным когтем в зияющий дверной проем, ведущий в основное помещение кузницы:

— Хозяйка! Где шаталась? Дверь чинить надо! — его голос звучит как скрежет ржавых шестеренок.

— Правильная мысль, – я киваю и бросаю взгляд на покосившуюся раму, сквозь которую прекрасно виден туман, лениво ползущий по улице. — Чини. И еще, мне нужна отдельная комната. С дверью!

Шифт, будто чертик из табакерки, выныривает из-под наковальни, весь перепачканный сажей и начинает собирать доски.

А Гриззл прищуривается, а его острые зубки обнажаются в ехидной ухмылке:

— Прямо отдельную комнату и с дверью? Ой, а что это наша хозяйка приватности захотела? — он подмигивает так непристойно, что у меня закипает кровь. — Небось, для лорда Дарна расстаралась. Сразу после свидания в постельку, да?

Я раздраженно закатываю глаза, но а

Его слова – спичка, брошенная в бочку с гоблины заходятся диким, визгливым хохотом. Брик хохочет так, что трясется его живот, Тинк фыркает, отвернувшись, а сам Гриззл скалится, явно довольный произведенным эффектом.

– Закончили фантазировать на странные темы? – Я стараюсь сохранить ледяное спокойствие, игнорируя их, и вдруг мой взгляд цепляется за что-то, прислоненное к дальней стене, за грудой ржавого лома.

Старая дубовая дверь!

Кривая, покрытая слоем вековой пыли, грибком и какими-то странными лиловыми пятнами (надеюсь, это не кровь), но – целая

Настоящая, тяжелая, с массивными, пусть и ржавыми, петлями.

Надежда вспыхивает, как тот самый факел в горне. Цель найдена.

И продолжая игнорировать хохот гоблинов, тащу свою находку через весь первый этаж, спотыкаясь о куски металла и подозрительно гладкие кости (молюсь, чтобы животных). Дверь невероятно тяжелая, она норовит выскользнуть из рук, угрожая придавить мне ногу. Я направляюсь к единственному более-менее целому помещению – видимо бывшей кладовке. Без окон, узкой, как шкаф, но хотя бы с четырьмя стенами и потолком.

И тут на пути встает Брик. Он раздувает щеки, перекрывая собой проход, его маленькие глазки сверкают решимостью:

— Стоять! Это моя дверь! Я под ней спал!— заявляет он с неожиданной для его тучности прытью.

– Под дверью? – Мозг отказывается обрабатывать информацию.

Мне что же? Теперь еще с ним битву за дверь устраивать?

Я уже хочу спать! Просто отстаньте все от меня!

Я останавливаюсь, едва удерживая тяжеленную створку, но Брик подскакивает с другой стороны и упрямо тянет на себя.

– Не отдам!

Друзья, приглашаю Вас в обалденную новинки от меня и огненной Екатерины Борисовой
Лечебница для попаданки. Проклятие прилагается

Глава 12 - Ночевка

— Это моя дверь!— продолжает возмущаться он.

— Да зачем она тебе сдалась?! — Выхожу я из себя.

— Она гремит, если кто идет. Самый надежный сторож! Ни одна тварь не подкрадется!

Логика гоблина повергает в ступор. Я смотрю то на него, то на свою драгоценную дверь, чувствуя, как терпение тает.

— Гениально, Брик, — говорю я. — Но жизнь состоит из вызовов и сегодня твой вызов — найти что-то другое, что будет тебя защищать. Эта дверь, теперь моя.

Брик недовольно фыркает.

— Ты — самая несносная хозяйка.

Впрочем, тему жалоб он к счастью не развивает и исчезает из поля зрения.

Но победа дается тяжело.

Установка двери превращается в маленький ад на земле. Петли покрыты вековой ржавчиной, гвозди гнутся, как соломинки, под ударами старого, кривого молотка.

Гризл, изображая помощь, наоборот постоянно отталкивает дверь. Шифт, прикидываясь невидимкой, норовит стащить моток прочной бечевки, который я припасла для импровизированного замка — для ловушки на крыс, как он оправдывается с невинной улыбкой.

Тинк пассивно наблюдает, изредка подавая то, что не представляет для него интереса. К полуночи мои руки в ссадинах, спина ноет, а дверь висит, скрипя, на одной единственной, полуоторванной петле.

Да уж, такая себе защита и приватность.

Замок не лучше. Он представляет собой гвоздь, торчащий из косяка, обмотанный проволокой в несколько слоев. Чтобы закрыться изнутри, нужно будет вставить гвоздь в специально выдолбленную дыру в самой двери и туго обмотать проволокой. Примитивно, но лучше, чем ничего.

Внутри моей "королевской опочивальни" — размером с собачью конуру — соломенный матрас (спасибо, Тинк, хоть ты молчаливый, но полезный), потрескавшаяся глиняная кружка и дыра размером с кулак в стене, открывающая "вид" на вечно клубящийся туман.

Самодельный светильник (жестянка, наполненная растопленным салом из кухонных запасов Лиры, с фитилем из обрывка мешковины) отбрасывает на стены жуткие, пляшущие тени. Запах сала смешивается с запахом пыли, плесени и моего пота.

— Ну, пентхаус, так пентхаус,— саркастично целую гвоздь, который едва не сломал мне ноготь, и плюхаюсь на солому. Усталость валит с ног.

Но покой мне только снится. Глубокой ночью, когда туман за стеной сгустился до состояния молока, а в кузнице воцарилась зловещая тишина, прерываемая лишь похрапыванием Брика, что-то начинает скрестись в мою дверь. Сначала тихо, неуверенно. Потом настойчивее. Металлический скрежет когтя по дереву.

— Кто там? — шиплю я в темноту, инстинктивно хватая заточку из-под подушки (старый напильник, который я затачивала весь вечер).

— Пусти... — доносится сдавленный, жалобный скулеж. — Там холодно... А Брик... Брик опять храпит... Спать невозможно...

Гризл.

Конечно же.

Я стискиваю зубы.

— А я тебе сейчас покажу, что такое "невозможно спать"! — рычу я, вставая и прижимаясь спиной к холодной стене, заточка наготове. — Убирайся к своей берлоге, пока цел! Или

хочешь познакомиться с моей новой "игрушкой"?** — трясущей заточкой перед дырой в стене, чтобы он видел блеск металла в тусклом свете моего светильника.

За дверью наступает тяжелая, обиженная тишина. Потом — громкий, театральный вздох и недовольное шарканье прочь. Я прислушиваюсь, пока звуки его шагов не затихли, и только тогда опускаю заточку. Сердце колотится. Адреналин еще долго не дает уснуть. Я лежу, уставившись в потолок, где пляшут тени от моего светильника, и слушаю, как за стеной воет ветер, а туман лижет камень дыры холодным языком.

Утро встречаю живой — что главное, усталой, но с чувством маленькой победы. Дверь на месте, пусть и покосившаяся. Замок-гвоздь не тронут.

Кто бы мог подумать. А гоблины куда более воспитанные, чем я могла предположить.

В соломе, к моему изумлению, нет ни скорпионов, ни пауков размером с ладонь — победа, оплаченная запахом горящего сала. Даже туман, видимый в дыре, кажется в сером утреннем свете менее зловещим, более обыденным, просто густым туманом. Относительное спокойствие.

Но едва я выхожу из своей комнаты, как потрясённо замираю.

Гриззл поджидает меня у едва ярко пылающего горна. Его массивная фигура отбрасывает на стены длинные тени, а глаза, обычно ироничные и прищуренные, сегодня серьёзны и чуть тревожны. Он молча указывает когтем на огонь.

— Кузница и вправду почувствовала в тебе хозяйку, — всё же произносит он. Голос хриплый, но в нём нет ни капли обычной ехидцы. Он звучит почти уважительно, даже с оттенком благоговения. — Горн вспыхнул сам. А это значит, что нужно приступить к работе прямо сейчас. Иначе потом он может просто погаснуть и больше не загореться.

Я в замешательстве смотрю на пламя, как будто оно способно дать мне ответ. Тёплый воздух пахнет раскалённым металлом и чем-то древним, непостижимым.

— Что ковать-то? — хмурюсь я, пытаюсь скрыть растерянность.

Гриззл качает головой и смотрит на меня пристально, будто пытается разглядеть что-то за гранью привычного.

— А это должна решать хозяйка, — отвечает он тихо. — Ты разве не чувствуешь?

Я прислушиваюсь к себе, пытаюсь уловить хоть малейший намёк на внутренний зов — то самое ощущение предназначения, о котором так часто говорят местные. Но, если быть честной, я не чувствую совершенно ничего. Ни шепота древних сил, ни вдохновения, ни даже лёгкой дрожи в пальцах. Только усталость и смутное беспокойство.

Поэтому я решаю мыслить рационально, исходя из практичности. Мне нужно выбрать цель, которая поможет выбраться отсюда. Чтобы покинуть эту деревню, мне необходим жезл — особый, сильный, не похожий ни на один другой. Но для того, чтобы выковать жезл, требуются редкие ингредиенты, которые можно найти только за пределами деревни. Достать их самой я не смогу — из деревни мне не выбраться.

Значит, единственный способ — сделать так, чтобы эти ингредиенты принесли мне другие. А для этого деревню должны посетить люди извне. Но они придут только в одном случае: если здесь появится что-то по-настоящему нужное, исключительного качества, уникальное настолько, что даже самые избалованные и искушённые купцы не смогут пройти мимо.

Именно на этом мы и должны сосредоточиться — на ковке идеальных товаров, способных привлечь внимание внешнего мира. Я делаю глубокий вдох, чувствуя, как вместе с воздухом в меня входит что-то новое — слабая искра решимости, которую я не могу себе объяснить.

— Ладно, Гриззл, — говорю я, — начинаем работу. Будем ковать то, что изменит судьбу этой деревни.

Он кивает, и в его взгляде мелькает одобрение.

Огонь в горне вспыхивает ярче, будто подбадривая меня.

Друзья! Встречайте новый авторский дуэт
Ирину Андрееву и Элли Лотри!
Хозяйка яблоневого сада, или Не подавитесь, милорд!
<https://litnet.com/shrt/9rg8>

Глава 13 - Первая работа

Горн пылает так, будто внутри него спрятано маленькое солнце. Жар накатывает волнами, пот мгновенно стекает по спине. Даже гоблины, обычно спокойные, толпятся у двери, бросают взгляды на огонь и перешёптываются.

— Он не гаснет уже три часа, — слышу, как Тинк шепчет кому-то за спиной, — такого не было даже при старом хозяине.

— Значит, кузница её и правда признала, — бурчит Гриззл. Он вдруг пинает Брика в голень: — Перестань пялиться и тащи уголь! Хозяйка будет ковать!

Я сжимаю кулаки. Конечно, я могу сделать какую-нибудь ерунду — скрепки, гвозди, кривые подковы. Но горн не для этого. Он будто требует от меня чего-то большего... настоящего. А я даже не знаю, с чего начать.

— Эй, Гриззл, — обращаюсь к старому гоблину, — а что вообще можно выковать, чтобы... ну... не опозориться перед древней магической кузницей?

Гриззл закашливается, как будто его смешит сам вопрос.

— Ты же хозяйка. Спроси у горна.

— Он мне что, ответит?!

— Нет. Но если будешь слушать — поймёшь.

Я смотрю на пламя. Оно шевелится, будто дышит. Может, правда... просто послушать?

Сердце стучит всё громче. Я делаю шаг ближе к горну — и замираю, ловя каждый треск, каждый вздох огня. Вдруг мне кажется: среди шума и жара появляется ритм, странная мелодия, которая зовёт меня делать первый шаг...

Туман за стенами кузницы сгущается, будто живое существо — тяжёлое, дышащее, неторопливое. Я стою перед горном, в котором бушует пламя, не подчиняющееся никаким законам физики. Оно не просто горит — оно живёт. Пульсирует. Словно гигантский зверь, запертый в каменных стенах и требующий пищи.

— Кузница ждёт, — бормочет Гриззл, переминаясь с ноги на ногу. Его обычно хриплый голос звучит почти благоговейно.

Я сжимаю кулаки. Я не кузнец. Не маг. Я учительница математики, чёрт побери! Но горн не спрашивает, готова ли я. Он требует.

— Что мне делать? — спрашиваю я, больше у самой себя, чем у гоблинов.

— Слушай, — шипит Шифт, неожиданно возникая у моего плеча. — Металл сам подскажет.

Отбросив рвущийся впереди меня скептицизм, я всё же прислушиваюсь и...не слышу вообще ничего.

Только треск огня в горне, дыхание столпившихся рядом со мной гоблинов и шорох гуляющего по всей кузницы сквозняка.

Так, ладно. Можно стоять и ждать не пойми чего, а можно наконец заняться чем-нибудь полезным. И я привыкла действовать согласно второму варианту.

Я беру в руки щипцы и выбираю из кучи металлолома несколько кусков железа. Если уж ковать — то что-то действительно нужное. В голове крутятся мысли о жителях Туманной Гривы, вечно страдающих от сырости и холода.

"Что если..." — мелькает идея, и я тут же принимаюсь за работу.

Гоблины, видя мою решимость, нехотя принимаются помогать. Брик тащит уголь, Тинк поддувает мехами, а Шифт с любопытством наблюдает за каждым моим движением.

Я задумала создать вещь, которая наверняка будет здесь в ходу, а именно — котёл.

Эх, работай бы он еще по типу наших нагревающихся баков, цены бы ему не было, — усмехаюсь я про себя. Чтоб сам мог поддерживать тепло, не требуя постоянной топки.

Металл под моими руками ведёт себя странно. Он будто сопротивляется, пружинит под ударами молота, но постепенно поддается. Форма будущего котла начинает вырисовываться: широкое дно, высокие стенки, массивные ручки по бокам.

— Ты что, собралась варить суп для великана? — ёрничаёт Брик.

Я не отвечаю, полностью сосредоточившись на работе. Когда основная форма готова, я добавляю в сплав несколько странных камешков, которые нашла в углу кузницы — они мерцают тусклым светом, будто хранят в себе частичку тепла.

Последние удары молота — и вдруг...

Котёл вспыхивает ярким золотистым светом. Тепло разливается по кузнице, заставляя даже гоблинов отступить на шаг. Металл переливается, как живой, а на его поверхности проступают загадочные узоры.

— Вот это да... — шепчет Тинк, широко раскрыв глаза.

Я осторожно касаюсь изделия — оно тёплое, но не обжигает. Кажется, получилось даже лучше, чем я ожидала.

— Он какой-то странный. Ну, не особенный, — подходит поближе Тинк.

— Попробуй налить воды, — предлагает Гриззл, протягивая мне ведро.

Я наполняю котёл — и через мгновение вода начинает пузыриться, хотя огня под ним нет!

— Самогрейный котёл... — бормочу я в изумлении. — Он нагревает воду сам! Это... это как? Разве такое возможно создать с помощью одного молота, щипцов и наковальни?

— Только с помощью них — нет, а вот если делать это будет делать хозяйка Кузницы Теней, то очень даже, — авторитетно заявляет Шифт.

Гоблины переглядываются. Даже Брик выглядит впечатлённым.

— Такая штука в каждой избе — и никакой сырости, никакого холода, — замечает Шифт. — Да за него купцы золотом платить будут!

Я улыбаюсь, гордясь своей работой. Но когда поднимаю молот для последнего, символического удара...

Вспышка.

Огненный язык вырывается из горна, и на мгновение я ясно вижу в пламени лицо — древнее, искажённое яростью. Глаза Эрегора смотрят прямо на меня, полные ненависти и... чего-то ещё. Предостережения?

Я отшатываюсь, роняя молот.

— Ты что, обожглась? — беспокоится Тинк.

Но я не могу ответить. Сердце бешено колотится, а в ушах звенит. Что это было? Предупреждение? Угроза?

Явно ничего хорошего. Рожа та еще.

Гоблины переглядываются, явно не понимая моего испуга. Котёл между тем продолжает тихо булькать, излучая тепло и уют — странный контраст с леденящим душу видением.

Я глубоко вдыхаю и выпрямляюсь. Что бы это ни было — я не отступлю. Если кузница дала мне этот дар, я использую его, чтобы помочь этим людям.

— Завтра, — говорю я твёрдо, — мы начинаем принимать заказы.

Дорогие читатели!

Приглашаю Вас в горячую новинку от

Тани Денисовой

Хозяйка проклятого отеля, или наглым дознавателям комнаты не сдаём!

<https://litnet.com/shrt/9gVa>

Глава 14 - Успех!

Утро едва занимается, а у кузницы уже толпится народ. Небо еще серое, туман, как всегда, вьётся между домами — густой, вязкий, будто бы ленивый, но на самом деле он прячет в себе десятки запахов: мокрое дерево, сырую землю, остатки ночного дождя и что-то едва уловимое, почти сказочное. Люди не спят — они пришли сюда, втискиваются в узкий проход у двери, переговариваются вполголоса, чтобы не спугнуть надежду, которая витает в воздухе. Кто-то кутается в старый плащ, кто-то держит за руку ребёнка, кто-то неловко переминается с ноги на ногу, будто не знает, что делать с этим странным волнением.

На пороге, широко расставив руки, стоит Лира — травница, известная на всю округу не только своими снадобьями, но и громким голосом, которым она сейчас пытается утихомирить толпу. Её лицо светится от восторга, щеки румяные, волосы — спутанные, на щеках — пятна сажи. Она, кажется, совсем не устала после ночи, проведённой в ожидании чуда.

Самогрейный котёл, оставленный у неё на ночь, стал настоящей сенсацией. Вода в нём закипает без огня, без угля, без единой искры. И не просто закипает — тепло от него такое, что стены в доме Лире, вечно сырые, за ночь просохли, а старые балки перестали скрипеть, будто вздохнули с облегчением. Даже травы, развешанные под потолком, зазеленели ярче, словно ожили и вспомнили, что такое весна. Лира не устает рассказывать об этом: как проснулась ночью от странного треска, как почувствовала сухое тепло, как увидела, что котёл дымится, но не чадит, а только сияет изнутри ровным, мягким светом. Она показывает его собравшимся, держит обеими руками, будто это младенец, и восторженно кричит:

— Он сам греется! — Глаза её горят. — Вода кипит, молоко не пригорает, хлеб рядом — и тот не черствеет!

Люди, обычно угрюмые и недоверчивые, подходят ближе, осторожно трогают стенки котла, заглядывают внутрь. Плотник Варг, широкоплечий, с руками в заносах, хмуро косится на диковинку, будто ищет подвох, но не может скрыть любопытства. Он молчит, но его глаза бегают по котлу, по швам, по ручке, по дну — ищет подделку, тайный механизм, но не находит.

— А правда, что без огня? — не выдерживает он, понижая голос. В его тоне — не только сомнение, но и надежда. Он привык полагаться только на свои руки, на топор, на дерево, а тут — что-то, что не объяснить привычными словами.

— Правда, — отвечаю я, устало потирая закопчённые руки. Всю ночь не спала — кузница гудела, как улей, но сейчас, глядя на их лица, понимаю: оно того стоило. — Но таких больше нет. Этот — первый.

Кто-то шепчет в толпе: "Значит, можно сделать ещё..." Другой отвечает: "Да кто знает, может, это разовая удача..." Третий качает головой — но глаза у всех не отрываются от котла.

— Сделай и мне! — тут же выкрикивает кто-то из толпы, голос дрожит от волнения.

— Мне хотя бы маленький! — вторит ему женщина с ребёнком на руках, прижимая к себе пустую кружку.

— Нам два! — добавляет кто-то из задних рядов.

Голоса сливаются в гул. Люди наперебой предлагают деньги, продукты, помощь — лишь бы заполучить такое же чудо. Кто-то суёт мне мешок яблок, кто-то обещает принести мёд, кто-то — отдать свой старый инструмент, если взамен получит котёл. Толпа раскачивается, как волна, и кажется, ещё мгновение — и они ворвутся внутрь, схватят котёл голыми руками, унесут его, не дождавшись объяснений.

Я поднимаю ладонь — ладонь с ожогами, с застарелыми шрамами, знакомую каждому в этой деревне. Мгновенно наступает тишина. Люди переглядываются, кто-то кашляет в кулак, кто-то опускает глаза.

— Деньги мне не нужны, — говорю я, чуть повысив голос. В нём звучит усталость, но и твёрдость, которую я в себе нашла только этой ночью. — Ни золото, ни серебро не помогут мне сделать ещё один такой котёл. И не помогут деревне.

— Тогда... что? — хмурится Варг, глядя мне прямо в глаза. Он привык к торгу, к обмену, к честной работе, и не понимает, чего можно хотеть, если не выгоды.

Я медленно обвожу взглядом кузницу: прогнившие балки, трещины в стенах, крышу, которая вот-вот рухнет. Здесь всё держится на честном слове и старых гвоздях. В углу, под наковальней — куча металлолома, из которого я выковала этот котёл. Здесь, среди копоти и железа, прошла моя жизнь.

— Материалы. Дерево, камень, гвозди. И рабочие руки, — говорю наконец, и голос звучит твёрдо, без колебаний.

— Ты хочешь, чтобы мы тебе кузницу отстроили? — удивляется кто-то из толпы, в голосе — недоверие, но и интерес.

Я улыбаюсь, впервые за утро по-настоящему, и чувствую, как напряжение уходит из плеч.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне сделать её лучше. Чтобы я могла ковать всё, что нужно деревне. Не только котлы — инструменты, замки, даже игрушки для ваших детей. Чтобы никто не мерз зимой, чтобы у каждой семьи был свой котёл. Чтобы работа шла не на износ, а с радостью.

Тишина. Потом ропот — уже не недовольный, а заинтересованный. Люди переглядываются, обсуждают вполголоса, кто что может принести, кому есть что дать. Плотники быстро прикидывают, сколько нужно досок, каменщики — сколько камня. Даже те, кто обычно держится в стороне, теперь тянутся поближе, не желая остаться в стороне от чуда.

— А если мы поможем... ты и правда сделаешь нам такие же? — осторожно спрашивает Лира, всё ещё держа котёл в руках, будто боится, что он исчезнет.

— Лучше, — отвечаю я, и в этот момент верю в это всем сердцем.

Этого хватает.

Уже через час плотники разгружают телеги с досками, каменщики осматривают фундамент, а самые крепкие мужики тащат мешки с углём. Женщины приносят хлеб, мёд, молоко — на угощение для тех, кто будет работать. Дети бегают по двору, собирают щепки, играют в "кузнецов" — один стучит камнем по железке, другой что-то мастерит из палок. Даже старый мэр Годрик, который годами не выходил из дома, появляется на пороге, опираясь на палку, и одобрительно кивает:

— Наконец-то в нашей Гриве что-то меняется, — говорит он, и его голос звучит громче, чем все утренние крики.

Я стою и смотрю, как деревня, которую считала сонной и равнодушной, оживает. Люди смеются, спорят, кто-то уже зовёт всех на ужин. Кто-то строит планы на завтра, кто-то рассказывает истории о том, как "ещё в прошлом веке" пытались сделать что-то подобное, но не вышло. В груди тепло — не от котла, а от чего-то другого, большего. Я вдруг понимаю: чудо — не в котле. Чудо — в людях, которые поверили друг в друга.

Я вытираю руки о фартук, выхожу во двор, чтобы вдохнуть прохладный утренний воздух.

Но когда я поворачиваюсь к горну, из тени раздаётся смешок.

— Неплохо, туманная кошечка.

Астиан Дарн стоит в углу, скрестив руки. Его глаза сверкают, как лезвия.

— Интересно, что ты скажешь, когда узнаешь, что твой котёл питается магией Эрегора?

Время будто останавливается. Звуки снаружи глохнут, остаёмся только мы двое в полумраке кузницы, где пахнет железом и чем-то древним.

Я усмехаюсь.

— А вы всегда говорите пафосные фразы вместо приветствия, лорд Дарн?

Глава 15 - Напоминание

К моему разочарованию, Дарн несколько не смущается — напротив, он как будто специально выпрямляется, приподнимает подбородок, чтобы теперь смотреть на меня сверху вниз. В его тёмных глазах, обычно хмурых и словно наполненных густой тенью, вдруг вспыхивают лукавые огоньки, будто в глубине этих омутов кто-то невидимый веселится над моими попытками задеть его. Всё его существо будто бы говорит: «Давай, попробуй ещё, мне только интереснее наблюдать, как ты будешь выкручиваться».

— Нет, только когда прихожу в кузницу ко всяким туманным кошечкам, — усмехается он, и лёгкая насмешка скользит по его губам, будто ветер по гладкому стеклу. В этот момент он кажется почти беззаботным, но это чувство обманчиво — за каждым словом ощущается сила, которую он не считает нужным скрывать.

Что же у вас за характер такой, лорд Дарн? — мысленно вздыхаю я, хотя прекрасно понимаю: колкостями его не проймёшь. Но сдержаться невозможно. Слишком уж раздражает эта его непоколебимая уверенность и чуть насмешливое отношение к миру.

— И много у вас таких кошечек? — я поднимаю бровь, надеясь, что хоть этим вопросом смогу выбить надменного мага из равновесия. Но он лишь невозмутимо прищуривается, уголки губ чуть заметно подрагивают, намекая на усмешку, которая вот-вот сорвётся с губ.

— Достаточно. Как минимум почти каждая мечтает ей быть, — отвечает он, с ленивым и очень уверенным достоинством, будто говорит о чём-то совершенно очевидном. В его голосе нет ни намёка на хвастовство — только спокойная, почти царственная уверенность, что мир действительно крутится вокруг него.

Мамочки, вот это самомнение. Впрочем, чего ещё ожидать от богатого, красивого мужика, ещё и с магией в придачу? Уверен, с таким набором можно позволить себе многое. Но меня это не впечатляет — скорее раздражает, подстёгивает желание доказать, что не всё в этом мире крутится вокруг Дарна.

— А сюда вы пришли, чтобы любезно сообщить об этом? — уточняю я, чувствуя, как жар стыда и раздражения одновременно подступает к щекам. Голос выдаёт моё волнение, хоть я и стараюсь казаться равнодушной.

— Сюда я пришёл, потому что энергия в тумане изменилась, — ведёт плечом Дарн, и свет падает на его лицо так, что оно кажется почти неестественно резким, выточенным из серебра и тени. — Ну и кроме того, ты мне обещала свидание.

Блиин! Я с этой ночёвкой и забыла о нашем дурацком договоре. В груди неприятно ёкает — почему-то сейчас эта его наминалка звучит особенно двусмысленно. Дарн не сводит с меня взгляда, и я чувствую, как волны его присутствия накрывают с головой — ни спрятаться, ни сбежать.

— А что? Другие “кошечки” сегодня заняты? — не унимаюсь я, пытаюсь скрыть тревогу под маской насмешки.

— Нет, для меня они свободны всегда. Но мне захотелось попробовать чего-нибудь новенького, — Дарн делает шаг ко мне. Его тёмные глаза вдруг становятся чернее ночной воды, и взгляд пронзает насквозь, будто читает мысли. — Кого-нибудь... — уточняет он, голос его становится низким, почти хриплым.

По коже мгновенно пробегают мурашки, и я машинально сжимаю пальцы в кулак. Внутри всё сжимается — и от страха, и от странного, волнующего предвкушения. Сердце стучит где-то в горле, дыхание сбивается, и я чувствую себя то ли пойманной в ловушку, то ли на пороге чего-то нового, опасного и манящего одновременно.

— Ты же помнишь о нашем договоре, когда я тебя спас, — его голос становится чуть мягче, почти интимным, как шелест занавески ночью, когда за окном бушует буря.

Ух... что-то мне подсказывает, что находиться один на один с таким как Астиан, крайне сложно. Во всех смыслах. Его энергия давит, заполняет всё пространство вокруг, словно воздух становится гуще, тяжелее — и в нём невозможно спрятаться.

— Ах, вы об этом? — я натягиваю беспечную улыбку, хотя в груди колотится паника. — Да-да, что-то такое припоминаю. Только не совсем представляю наше свидание. Я из-за тумана покинуть деревню не могу. А по ней очень много не погуляешь.

В какой-то момент мне кажется, что он вот-вот засмеётся, но вместо этого Дарн только хмыкает.

— Хм, ну это самая лёгкая и решаемая из проблем, — с ленивой уверенностью бросает он, словно речь идёт о пустяке.

— Потому что вы знаете способ, как мне покинуть деревню? — тут же вскидываюсь я, чувствуя, как внутри вспыхивает искора надежды.

— Потому что на нашем свидании гулять не обязательно, — нагло скалится Дарн. Его улыбка — это смесь дерзости, опасности и какого-то хищного, животного интереса. — Я предпочитаю куда более интересно проводить время с такой аппетитной красоткой.

Гад! Вот же ж гад! Но он не даёт мне опомниться. Мгновение — и его пальцы уже смыкаются вокруг моего запястья. Они холодные, как зимний камень, но от этого прикосновения по коже разливается волна жара, словно холод лишь маскирует под ним настоящий огонь.

— Время — роскошь, которой у нас нет, туманная кошечка, — его голос становится мягче, но в нём появляется опасный оттенок, как у шёлка, натянутого на лезвие. — Твоя работа разбудила то, что дремало веками. И пока деревня чинит крыши... мы поговорим. И не только...

— Что?! Куда ты меня тащ...

Я пытаюсь вырваться, забыв обо всех правилах приличия. Но куда там.

Бороться с Дарном, всё равно что пытаться сдвинуть с места скалу.

Я позорно проигрываю.

Глава 16 - Предупреждение

Дарн делает шаг вперёд — и мир взрывается пеплом и серебром.

Первое, что я понимаю, когда вспышки гаснут — мы больше не в кузнице.

Вокруг — бесконечная зеркальная зала. Стены, пол, потолок — всё отполировано до ледяного блеска, отражая тысячи нас. Но эти отражения пугающе самостоятельны: в каждом зеркале — иная версия меня. В одном — я в платье из звёздной пыли, в другом — облачена в доспехи, испещрённые шипами, в третьем — с глазами пустыми, как у мертвеца. Я вижу себя смеющейся, плачущей, сражающейся, погибающей — целый калейдоскоп судеб, увертливых, как тени.

А Дарн... он везде одинаков. Неизменный и вечный, словно сам этот зал. Его фигура, высокая, чуть сутулая, как будто высечена из тёмного камня, и во всех отражениях его взгляд прикован только ко мне.

— Где мы? — выдыхаю я, чувствуя, как сердце бешено колотится. Воздух в зале прохладный, почти ледяной, и от этого дыхание становится прерывистым, звук моих каблучков эхом разносится, будто пробуждая что-то в глубине зеркал.

— Между, — его рука скользит по моей спине, останавливаясь у основания шеи. Холод его пальцев контрастирует с внезапным жаром, который разгорается где-то внутри меня, глубоко под рёбрами. — Между твоим миром и моим. Между страхом... и желанием.

Он ведёт меня вперёд, и зеркала начинают оживать. В одном — я вижу себя у горна: руки в тёмных прожилках, лицо искажено болью и упрямством. В другом — Дарн прижимает меня к камням древнего алтаря, его губы на моей шее, а вокруг пляшут тени, словно демоны с чужих кошмаров. В третьем — мы стоим спиной к спине с окровавленными клинками, плечом к плечу, а вокруг рушится мир.

— Что это?! — я пытаюсь вырваться, но его хватка — как стальная цепь. Глаза Дарна сверкают, в них отражается бесконечная череда моих лиц.

— Возможности. Версии будущего. Или прошлого? — он останавливается перед огромным зеркалом в чёрной раме, в котором отражаемся только мы двое. Но наши отражения... они начинают двигаться сами по себе. Его двойник прижимает моё отражение к стеклу, целуя так жадно, что у меня перехватывает дыхание; я почти чувствую этот поцелуй настоящей кожей — жгучий, влажный, с привкусом грозы и

медной крови.

— Они... живые? — шепчу я, краснея до корней волос.

Дарн смеётся — низко, вибрирующе. Звук ласкает что-то глубоко в животе.

— Всё здесь живое. Даже мысли. Особенно мысли. — Он поворачивает меня к себе. Его глаза — теперь не просто чёрные. В них мерцают целые галактики, туманности колдовской силы. — Ты спросила, как провести свидание без прогулок? Вот ответ.

Он не целует меня.

Он будто исследует.

Его пальцы скользят по моей щеке, обжигая холодом, потом опускаются к вороту рубахи. Пуговица со щелчком отлетает. Потом вторая. Третья. Кожа под грубым полотном горит.

— Ты можешь взаимодействовать с магией древних проклятий, Алиса. По сути — крадешь её, — его губы почти касаются моей шеи. Дыхание ледяное, но там, где оно касается кожи, вспыхивают искры. — Но знаешь ли ты, что происходит с воришками? Их находят... и наказывают...

Его рука внезапно прижимает мою ладонь к зеркалу. Лёд пронзает до кости! Но в следующее мгновение стекло

тает под пальцами, становясь вязким, как смола и мы проваливаемся куда-то вниз...

Ледяная волна захлестывает меня с головой. Я падаю сквозь слои мерцающего стекла, а Дарн падает со мной, его руки вцепились в мои плечи, пальцы впиваются в кожу сквозь разорванную ткань рубахи.

— Держись! — его голос режет тишину, но в нём нет страха. Только азарт. Только тьма.

Мы проваливаемся в зеркало, как в чёрную воду. Холод обжигает кожу, но через мгновение...

Мы падаем на мягкое, тёмное покрывало.

Вокруг — бесконечная ночь, усыпанная звёздами, которых не было в нашем мире. Они горят слишком ярко, слишком близко. Мы лежим на чём-то твёрдом, но невидимом, а под нами — бездна, мерцающая далёкими огнями забытых миров.

Дарн нависает надо мной. Его волосы падают чёрными прядями на мое лицо. Его глаза — две пропасти, поглощающие свет.

— Ты играешь с огнём, кошечка, — шепчет он, и его губы снова находят мои.

А я всё так же не могу прийти в себя.

Этот поцелуй уже не исследование. Это поглощение. Голодный, властный, лишаящий воздуха. Его язык — холодный и требовательный — вторгается в мой рот, а его руки скользят по талии, обжигая ледяным огнём, оставляя мурашки там, где касаются.

— Ты... — пытаюсь я выговорить, но он заглушает мой протест новым поцелуем, глубже, агрессивнее.

Его ладонь накрывает мою грудь. Холод его кожи смешивается с моим жаром, рождая электрические разряды удовольствия.

— Ты горишь, — его губы скользят по моей шее, оставляя влажный след, а зубы слегка сжимают кожу у основания горла. Больно и сладко. — Горишь проклятием деревни. Отдай это мне. Станет легче...

Его рука опускается ниже, к моей юбке, но тут я прихожу в себя.

— Так-так-так! С ума сошел?!

Я вскакиваю и мы оказываемся в какой-то незнакомой мне комнате похожей на кабинет.

— Я не собираюсь с тобой спать.

— Уверена? — Бесстыдно ухмыляется Дарн. — Ты подумай. Больше такой возможности может и не быть.

— Очень на это надеюсь, — фыркаю я. — А теперь, возвращай меня обратно в кузницу. У меня полно дел.

Я поднимаю глаза на Дарна и по спине пробегают мурашки. Он смотрит на меня сверху. Его глаза теперь — не бездны, а лезвия.

— Об этом я и хотел поговорить. Куй что угодно, — говорит он тихо, но каждое слово падает, как камень. — Мечи для глупых королей. Котлы для нищих деревень. Даже игрушки для гоблинских щенков. Но...

Он подходит ко мне, наклоняется ближе, и его губы почти касаются моего уха.

— ...если ты хоть раз попытаешься развеять туман...

Его рука внезапно сжимает моё горло. Не больно. Но так, чтобы я почувствовала его силу и власть.

— Ты очень сильно об этом пожалеешь. Обещаю

Глава 17 - Возвращение разума

Эта фраза мгновенно возвращает меня в здравый рассудок.

Да, что этот Дарн творит? И главное – как так получилось, что я почти сразу от него “поплыла”?

Да, он конечно красавчик и эта харизма “плохого парня”.

Но этого явно недостаточно, чтоб я вот так сразу на него повелась и вообще...

– Знаешь, что!

Я резко его отталкиваю.

– Руки убрал, понял меня? И магию тоже держи при себе!

Дарн замирает.

Его пальцы всё ещё сжимают моё запястье, но давление ослабевает. Вместо гнева в его глазах – искорки неожиданного интереса, смешанные с холодным расчётом. Он медленно проводит большим пальцем по моему пульсу, будто изучая ритм моего бунта.

— Руки убрать? Магию при себе держать? — он повторяет мои слова, и в его голосе звучит опасная усмешка. — Какой у тебя повелительный тон, кошечка. Уверена, что можешь приказывать мне?

Он не отпускает меня. Наоборот, тянет ближе, так что наши лица оказываются в сантиметрах друг от друга. Я чувствую его дыхание – холодное, с едва уловимым запахом грозы и старых книг.

— Абсолютно уверена, — бросаю я ему в лицо, стараясь не дрогнуть под его пронзительным взглядом. — Ты принёс меня сюда без спроса. Такие свидания меня не интересуют, знаешь ли. Теперь верни обратно. Или тебе нужны письменные инструкции, лорд Тьмы?

Его смех – низкий, вибрирующий – снова пробегает мурашками по моей коже. Но теперь я знаю: это не просто харизма. Это магия. Сила, вплетённая в голос, в жесты, в сам воздух вокруг него. Я напрягаюсь, пытаюсь отгородиться внутренней стеной – как от жара горна.

— Письменные инструкции? — он приподнимает бровь, игривость в тоне лишь подчёркивает стальную волю под ней. — Может, предпочтёшь... наглядную демонстрацию? Его взгляд скользит вниз, к моим губам, потом обратно к глазам. Вызов.

— Демонстрацию твоей способности исполнять приказы? — парирую я, заставляя себя ухмыльнуться. — С удовольствием посмотрю. Начни с простого: шаг назад. И руки убери.

На мгновение в его глазах мелькает неподдельное изумление, смешанное с восхищением. Никто, судя по всему, не разговаривал с ним так нагло. Его губы искривляются в полуулыбке, полугримасе.

— Ох, как ты заводишь, когда сопротивляешься... — он произносит это почти с нежностью, но пальцы его сжимают моё запястье чуть сильнее. Не больно. Предупреждающе. — Ты как дикий котёнок, который шипит на волка. Мило. Бесполезно, но мило.

— А ты как волк, который заигрался и забыл, что у котёнка могут быть когти, — огрызаюсь я, поднимая подбородок. — Или ты думаешь, я просто так хозяйкой проклятой кузницы стала? Я не боюсь тебя, Дарн. Раздражаю – да. Вызываю желание швырнуть в ближайшую стену – возможно. Но страх? Нет.

Он затихает, изучая моё лицо. Его взгляд скользит по чертам, будто ищет трещину в броне, малейший признак лжи. Не находит.

— "Не боюсь"... — он повторяет мои слова задумчиво, и в его глазах вспыхивает что-то новое – не просто влечение, а азарт охотника, наткнувшегося на неожиданно стойкую добычу. — Вот это... неожиданно. И... хм... даже привлекательно. Его голос становится тише, интимнее, но опасность в нём не исчезает. — Большинство в обморок падает от одного моего взгляда. А ты... ты играешь со мной.

— А ты разве не этого хотел? — бросаю я ему вызов, чувствуя, как адреналин придаёт мне смелости. — Притащил сюда, показал зеркальные фокусы, попытался очаровать... Не вышло. Теперь что? Будешь дуться? Или всё же выполнишь мою скромную просьбу и вернёшь меня к моим гоблинам? Они, наверное, уже разнесли кузницу от безделья. И вообще, у меня дела. Заказы. В отличие от тебя, я представь себе, занята делом.

Ещё одна вспышка искренней, почти человеческой улыбки мелькает на его лице.

— Ты невыносима, — заявляет он, но в его тоне нет злобы. Есть... восхищение? И непреодолимое любопытство. — Мне нравится. Но именно поэтому, хочу тебя предупредить.

Дарн, наконец, отпускает моё запястье, но его палец поднимается, чтобы едва коснуться моей щеки. Я не отстраняюсь.

— Я верну тебя. Сегодня. Но помни наш разговор, Алиса. Туман – табу. Веселись, чем хочешь – самогрейными котлами, летающими подковами, но к туману не суйся, ясно? Или поймешь, что такое настоящая боль. Не только для тебя. Для тех, кого ты ошибочно считаешь под своей защитой. Угроза висит в воздухе, густая и неоспоримая.

— Запомнила, — отвечаю я холодно, стараясь не дрогнуть. — Теперь – домой. И без фокусов, а?

Он щёлкает пальцами. Зеркальный кабинет растворяется, как дым. Холодный каменный пол кузницы встречает мои колени. Я падаю на них, резко вдыхая знакомый запах угля, металла и пыльной древесины. Я дома.

— Хозяйка! — Гриззл выскакивает из-за горна, глаза круглые от ужаса. — Ты... ты просто исчезла! Мы думали...

— Всё в порядке, Гриззл, — прерываю я его, поднимаясь и отряхивая колени. Голос звучит твёрже, чем я чувствую. — Просто... сходила на свидание. Было весело, конечно, но у нас дела.

Я разворачиваюсь к наковальне, стараясь убрать из воспоминаний пугающие и в то же время будоражающие воспоминания о близости и прикосновениях Дарна.

Он не просто мрачный мутный мужик. И еще явно очень и очень опасный.

Но и у меня нет другого выбора, я должна снять заклятие Тумана, чтоб наконец покинуть деревню.

К тому же, это важно не только мне, но и остальным жителям деревни, которые по сути находятся здесь на грани выживания.

Глава 18 - Крупный заказ

Прошла неделя.

Я изо всех сил стараюсь не думать о Дарне. О его угрозах, о том, как его пальцы скользили по моей коже, а голос звучал, как шёпот ночного ветра, от которого по спине пробегает мороз. Но мысли возвращаются. Особенно ночью, когда кузница затихает, а снаружи воеет ветер. Особенно, когда на шее пульсирует это проклятое место, к которому он прикасался – будто метка, напоминание: он всё ещё где-то рядом, наблюдает из темноты.

Я встряхиваю головой, отгоняя липкие воспоминания, и с силой опускаю молот на раскалённый металл. Искры взлетают в воздух, освещая стены кузницы оранжево-красными вспышками. Не сейчас. Не время для слабостей.

Гоблины вокруг меня будто почувствовали перемены. Брик стал ворчать реже, хотя обычно его не остановить – он всегда найдёт повод покритиковать мою работу или пожаловаться на жизнь. Тинк зачастил с кружками воды, подсовывает их мне так часто, что я всерьёз начинаю подозревать: он решил меня затопить. А Шифт... Шифт просто наблюдает, его узкие глаза сверкают в тени. Он всегда был молчуном, но теперь в его взгляде появилось что-то новое – будто он что-то подозревает, но молчит из принципа. Никто не спрашивает ни о чём. И я не рассказываю.

Очередное утро начинается как обычно. Я разгребаю угли в горне, чувствуя жар на лице. Гриззл, старый ворчун и главный помощник, опять ругается с Бриком из-за какого-то украденного гвоздя — спорят, кто оставил мешок открыт, и кто теперь виноват. Тинк, как обычно, пытается подкрасться к моей кружке с чаем — его зелёные ушки дрожат от нетерпения, он уже почти схватился за ручку, когда я резко поворачиваюсь.

— Тинк! — предупреждаю я, и он виновато отползает, пряча кружку за спину.

— Я только посмотреть, — бормочет он, — вдруг чай остыл...

— Вдруг ты останешься без рук, если будешь так смотреть, — отвечаю я, но в голосе нет злости, только усталость.

И тут дверь кузницы с оглушительным грохотом распахивается, вбивая в пол гвоздь из неожиданности. На пороге — незнакомец. Высокий, дородный мужчина, опрятный и уверенный, как те, кто привык получать всё, что хочет. Кафтан на нём дорогой — тёмно-синий, вышитый серебром, на толстых пальцах сверкают золотые кольца. За ним, как тени, двое охранников: лица каменные, у поясов блестят мечи.

— Хозяйка кузницы? — его голос густой, как перезрелый мёд. Вежливый, но в нём слышится стальная нота. В глазах — небрежное спокойствие и холодный, расчетливый блеск.

Я смотрю на него с подозрением. Это ещё кто? Очередной Дарн? Нет, ещё одного такого невыносимого мужика моя психика точно не выдержит. Предупредительно кидаю взгляд на Гриззла и остальных: те уже собираются наперегонки упражняться в остроумии, но я жестом их останавливаю.

Вытираю руки о кожаный фартук и подхожу ближе к незваному гостю:

— Да, это я. Моё имя — Алиса. А вы?

— Гаррик Тодвэл, — он кивает в ответ, оглядывая кузницу с видом человека, который оценивает стоимость каждого гвоздя и каждой стены. — Купец из Серебряного Бора. Слышал, у вас есть... особенные котлы.

Я удивлённо приподнимаю бровь. Ого, слухи о моих котлах разошлись даже за пределы деревни? Конечно, сюда иногда забредают торговцы и зеваки-любители необычного, но чтобы так быстро... Не ожидала.

— Слышали правильно, — отвечаю я, стараясь держать голос ровным.

— Отлично! — губы его расплываются в широкой улыбке, но глаза остаются холодными, как лёд в колодце. — Мне нужно двадцать штук. Через неделю. Потом, если всё устроит меня и моих заказчиков, возможно, закажу ещё... таким же объёмом.

Я чуть не роняю молот. Двадцать? Это же... Это огромный заказ, больше, чем я когда-либо бралась делать за раз. Деньги, которых хватило бы на месяцы вперёд. Но...

— Столько сразу не сделать, — осторожно говорю я, не желая показаться слабой. — Нужны материалы, время...

— Ну, вы уж постарайтесь, — он машет рукой, будто отгоняя надоедливую муху. — Должны понимать, что это и для вас, и для вашей деревушки отличный шанс. Время — неделя. Цена — тройная.

За спиной слышится ах гоблинов — они переглядываются, у кого-то на лице появляется алчный блеск.

Я колеблюсь, чувствуя, как в груди сражаются страх и жадность. Потом наконец киваю:

— Договорились.

Гаррик одобрительно улыбается, бросает мне тяжелый мешочек — звякает монетами. Потом, не прощаясь, разворачивается и исчезает за дверью, его охранники идут следом, оставляя в кузнице запах дорогого табака и чего-то тревожного.

Проблема

Уже к вечеру я понимаю: что-то не так. Очень не так.

Я лихорадочно проверяю запасы. Открываю сундуки, перебираю мешки, заглядываю в каждый угол. Железа почти нет — последние куски ушли на заказы для деревни. Угля — в обрез, хватит разве что на пару дней. Даже обычных гвоздей не осталось, только искривлённые обрубки.

Я нахожу Гриззла возле задней двери, он перебирает инструменты.

— Гриззл, — зову я, пытаюсь сохранять спокойствие, — где все материалы?

Он мнётся, переступает с ноги на ногу, его уши нервно дёргаются.

— Последнее железо ушло на замок для мельника... А потом ты велела сделать петли для церковной двери... — Он почесывает затылок. — Ну, а уголь... Тоже почти весь ушёл. Мы не привозили новый, потому что думали, хватит до конца месяца.

Я закрываю глаза и медленно считаю до десяти, чтобы не заорать.

— Прекрасно, — выдыхаю я, чувствуя, как внутри нарастает паника. — Как я сделаю двадцать котлов, если у меня нет даже сырья?

Гриззл виновато опускает голову, но тут появляется Шифт, бесшумно выскользнув из тени:

— Можно попробовать договориться с шахтёрами, — предлагает он своим тихим, скрипучим голосом. — У них есть залежи железа. И уголь тоже найдём... если хорошо попросим.

Брик, всё это время слушавший из угла, фыркает:

— Или украдём, если не дадут! — но тут же получает по уху от Тинка.

Я устало опускаюсь на скамью. Мозг лихорадочно ищет выход. Материалов нет, времени в обрез, а цена за провал — не только потерянные деньги, но и репутация. А может, даже нечто хуже...

Я смотрю на своих гоблинов. Они замерли, ожидая моего решения.

— Значит, будем искать. — Слова даются с трудом, но в голосе появляется твёрдость. — Кто не рискует — тот не куёт.

Гоблины закивали, а я ещё раз взглянула на пустые полки, ощущая, как груз ответственности ложится на плечи.

Впереди — долгая неделя.

Глава 19 - Инвентаризация

Утро после согласия на заказ встречает меня не рассветом, а ледяным комом тревоги в желудке. Двадцать котлов. Неделя. Пустые полки. Гоблины, сонно копошащиеся в углу, показывают мне истину реальности: надеяться можно только на себя и на них. Волшебства не будет. Только пот, мозоли и железная воля.

Первым делом я решаю сделать тотальной ревизией. Я загоняю гоблинов в подсобку, заставляю выгрести всё, что хоть отдалённо напоминает металл. Результат удручающе скромен:

– Железо: горстка кривых гвоздей, три обломка косы, ржавая цепь от колодца (половина звеньев сломана), старая, прогоревшая сковорода, несколько железных обручей от рассыпавшихся бочек, кусок рельсы от давно разобранный шахтерской вагонетки (тяжеленный!).

– Уголь: полтора заплесневелых мешка в углу, пахнущих сыростью. На пару часов работы горна.

– Инструменты: два молота (один с треснувшей рукоятью), щипцы (скрипящие, но целые), зубило (затупленное), клещи. На четверых.

Весело.

Я расстилаю на полу грубый холст и сваливаю туда весь металлолом. Гоблины столпились вокруг, скептически разглядывают «сокровища».

– Вот из этого, – я тыкаю пальцем в кучу, – мы и будем делать котлы. Не ныть. Не ворчать. Работать.

Гриззл закатывает глаза:

– Может еще каждому раздашь конкретные задачи. О, наша суровая хозяйка.

Я щелкаю в его сторону пальцами.

– Кстати, отличная идея. Молодец. Итак, распределение задач — как битва:

Шифт, ты у нас будешь ищейкой.

Твоя территория — вся деревня, но строго внутри тумана. Любой металл: старые подковы у конюшни, сломанные вилы у Лир, ржавые петли с заброшенных амбаров, потерянные топоры, даже консервные банки, если найдёшь! Спрашивай разрешения у хозяев! Обещай им скидку на будущий ремонт или... чашку моего чая.

Шифт кивает, его хищные глазки загораются азартом охоты. Он хватает два пустых мешка и бесшумно выскальзывает в серое утро.

Брик — на тебе добыча древесины. Иди к опушке леса, что у северной границы тумана. Валежник. Сухостой. Только сухой! Никаких живых деревьев. Складывай аккуратно у задней стены кузницы. Огромная куча. Выше тебя.»

Брик хмурится, трогает топор, ворчит что-то про «человечку и каторгу», но, бросив взгляд на мешок с задатком (золото звякает!), тяжело зашагивает к выходу.

Тинк, на тебе самое важное — наш горн. Жги то, что принесёт Брик. Следи, чтобы пламя было ровным и сильным. Не дай ему погаснуть ни на минуту. И вода! Два больших ковша всегда полные и под рукой. Как только я крикну «Вода!» — лей, куда скажу. Точность!» Тинк выпрямляется, важно кивает. Ответственность его явно тешит.

Гриззл, а ты со мной у наковальни. Будем превращать этот хлам» — я пинаю кучу металлолома — «в заготовки. Сначала — днища котлов. Потом — стенки. Потом — ручки. Без остановки.

Гриззл кивает.

– Так и скажи, что без меня никак, да? Или может влюбилась? А что, я куда лучше Дарна. Я изгибаю бровь.

– Ты конечно — огонь мужик и всё такое, но мне кажется наши расы слишком разные, чтоб у нас были отношения такого рода.

– Хех, но мы-то родились людьми, – ухмыляется Гриззл. – Но еще Эрегор превратил нас в гоблинов, чтоб мы работали в кузнецы и служили ее хозяевам вечно.

У меня едва челюсть не отвалилась.

– Ты серьезно? А как же вас вернуть обратно?

Гриззл снова широко улыбается.

– Известно как. Ты что? Не читала сказки. Нас должна поцеловать красотка.

– Может полюбить? – Прищуриваюсь я.

– Полюбить тоже, но главное – поцеловать, – хмыкает Гриззл.

Я смотрю на остальных и по их хитрым лицам не могу понять правда это или нет.

Ладно, разберусь с этим позже.

Сейчас у нас другая проблема.

Работа закипает с рассветом. Тинк раздувает горн до неистового жара сухими ветками, принесёнными Бриком. Воздух быстро наполняется едким дымом — дрова горят ярче, но коптят сильнее угля. Первой в огонь летит прогоревшая сковорода. Я хватаю её щипцами, Гриззл помогает удерживать. Металл плавится капризно, норовит выскользнуть, пачкается окалиной и старым нагаром. Удар молота по раскалённому железу отдаётся в плечах и спине. *Бам!* Искры — в лицо, приходится шуриться. *Бам!* Гриззл ворчит, поправляет заготовку клещами. *Бам!* Тинк лихорадочно подбрасывает в горн новые охапки хвороста, его мордочка черна от сажи. Первое днище получается кривоватым, с буграми. Я швыряю его в угол — брак. Второе выходит лучше. Начало вырисовывается.

К обеду возвращается Шифт, волоча два тяжелых мешка. Звяканье внутри звучит музыкой. Вываливаем: горсть старых подков, несколько ржавых серпов, кусок чугунной ограда, дверную ручку, кучу гвоздей разного калибра и... огромный, проржавевший замок.

– Молодец, Шифт! – похвала заставляет его уши дрожать от удовольствия. – Отдыхай полчасика, потом снова в путь!

Брик притаскивает первую огромную охапку сучьев и стволов. Он пытит, как паровоз, но в глазах светится мрачное удовлетворение от выполненной нормы. Руки исцарапаны, на лбу — ссадина от падающей ветки.

День превращается в кошмарный танец у горна. Жар выжигает силы. Пот заливает глаза, смешиваясь с копотью. Руки в ожогах от летящих искр. Спина ноет от постоянного напряжения. Мы с Гриззлом работаем в унисон, почти без слов. Он уже предугадывает мои движения. Щипцы – в огонь. Достāju. На наковальню. Удар! Переворачиваю. Удар! Форма! «Вода, Тинк!» Шипение. Облако пара. Остывшая заготовка – в стопку. Следующий кусок хлама – в огонь. Цикл повторяется.

К вечеру у нас уже есть пять грубых, но цельных днищ и три заготовки для стенок. Руки дрожат. Голоса сели. Гоблины валятся с ног. Я раздаю им двойные пайки хлеба с салом (последние запасы!) и ведро кислого кваса. Они едят молча, жадно, даже Брик не ворчит. Я сажусь на ящик, обхватываю голову руками и считаю дни. Шесть впереди. Кажется, гора не уменьшается.

Беда приходит с утра. Когда я с размаху опускаю молот на раскалённый обруч от бочки, рукоять – старая, пересушенная жаром – с треском ломается пополам. Головка молота с грохотом отлетает в угол, едва не задев Тинка.

Тишина. Потом дружный гоблинский стон. Молот – наш основной инструмент.

– Вот и всё, – хрипло шипит Гриззл. – Работы нет. Заказ провален.

Глава 20 - Паранойя?

Паника хватает за горло. Нет. Не сейчас. Я подхожу к сломанному инструменту. Рукоять – дубовая, старая. Головка – добротная, просто сорвалась.

– Брик! – кричу я. – Иди сюда! Ты сильный. Можешь держать эту железную болванку вместо рукояти?

Брик неуверенно подходит, поднимает тяжёлую головку молота. Его лапы с трудом обхватывают холодное железо.

– Попробуй ударить по этой заготовке, – указываю я на кусок железа в горне.

Брик неуклюже замахивается и с глухим стуком опускает головку на металл. Удар слабый, неточный. Но это – удар.

– Гриззл! – командую я. – Ты держишь заготовку щипцами и направляешь. Брик – бьёт. Я буду второй парой щипцов и направляю его руку. Тинк – следи за огнём и водой вдвойне! Шифт – ищи ещё металла и... новую рукоять для молота! Ищи крепкую палку!

Работа замедляется втрое. Координация трёх пар рук (моих, Брика и Гриззла) – сущий ад. Брик то бьёт мимо, то чуть не попадает по рукам Гриззла. Я едва успеваю отдёргивать пальцы. Мы все покрываемся синяками. Но мы куём. Медленно, мучительно, но заготовки появляются. Шифт притащил толстую, кривоватую, но прочную дубовую ветвь. Вечером я трачу последние силы, чтобы обтесать её и насадить головку молота временно, намотав прочной сыромятной кожи. Инструмент получается неудобным, но рабочим.

На четвертый день я понимаю, что нужно менять тактику. Делать котлы целиком по одному – слишком долго. Нужен конвейер.

Иначе ни о каких двадцати котлах не может быть и речи.

– Сегодня делаем только днища! – объявляю я утром, когда гоблины с трудом волокут ноги. – Все силы – на них. Шифт – ищи только плоский металл! Брик – дрова, самые толстые чурки, чтобы горели дольше! Тинк – держи жар постоянным! Гриззл – ты со мной у горна и наковальни. Брик, как только освободишься – подключайся к ковке, бери новый молот (тот, что с трещиной, но пока держится).

День превращается в монотонный, изматывающий ритуал. Нагреваю пластину (чаще всего – расплюснутую Шифтом старую косу или часть ограды). Выравниваю грубо молотом. Придаю круглую форму, загибая края на роге наковальни. Охлаждаю. Следующая. Руки горят в перчатках. Спина немеет. Дым ест лёгкие. Но к вечеру стопка грубых, но крепких днищ вырастает до десяти штук! Первый ощутимый результат. Я с Гриззлом переглядываюсь – в его жёлтых глазах появляется уважение. Даже Брик, вытирая пот, проборматывает что-то похожее на «неплохо».

На пятый день настает очередь стенок.

Тут нужны длинные полосы металла. Шифт приволакивает старую, проржавевшую полосу от телеги и несколько длинных, тонких прутьев – вероятно, остатки решётки.

– Гриззл, – говорю я, осматривая «добычу». – Помнишь, как старый хозяин гнёт обручи для бочек? Нам нужно нечто подобное. Найдём толстую чурку или камень с выемкой?

Мы находим подходящий валун у задней стенки кузницы. Я намечаю на нём желобок зубилом. Технология проста: раскалить длинную полосу или прут. Один конец закрепить (я держу клещами). Другой конец – аккуратно загибать вокруг валуна по желобку, постукивая молотком. Работа требует терпения и точности. Гриззл оказывается мастером тонкойковки. Его кривые лапы ловко управляют с молотком, придавая полосам ровную дугу. Брик помогает с раскалёнными заготовками. К вечеру у нас семь приличных цилиндрических стенок. Остальные заготовки требуют доработки.

Вроде все проходит более менее нормально, но на шестой день я сталкиваюсь с очередной трудностью.

Ручки. Казалось бы, ерунда. Но металла на мелкие детали почти не остаётся. Шифт приносит последнее – несколько дверных ручек, витые прутки от старой кровати, обломок кочерги. Настроение падает. Усталость накрывает всех волной. Даже Тинк засыпает у мехов. Брик ломает временную рукоять у молота (снова!). Я чиню её, руки дрожат от бессилия. Кажется, стена. Невозможно.

– Хозяйка... – тихо говорит Гриззл, пока я колдую над сломанным молотом. Он протягивает мне несколько толстых, прочных гвоздей, найденных где-то в самом дальнем углу. – Сделаем ручки... попроще? Не витые. Просто скобы. Изогнём гвозди покрупнее. Будет держаться.

Простота. Гениально.

Гриззл и правда имеет все задатки крутого менеджера.

Блин, а вдруг он и правда человек?

Я смотрю на него с благодарностью. Да, эстетика страдает, но функциональность – нет. Мы пускаем в ход самые толстые гвозди и прутки. Раскалываем, стигаем в скобы, привариваем (грубо, молотом) к стенкам. Получается крепко, по-рабочему. К ночи у нас пятнадцать почти готовых котлов: днище, стенка, две ручки-скобы. Остаётся только тщательно очистить их от окалины и копоти, да сварить швы покрепче. Пять – ещё в работе. Запасы металла Шифта исчерпаны. Уголь от Брика – тоже. Остались только дрова, да и те подходят к концу.

В последний день мы все едва живые. Напряжение висит в воздухе гуще тумана. Гоблины двигаются как сомнамбулы, но упорно. Я сама держусь только на воле. Мы с Гриззлом чистим готовые котлы грубой щеткой и песком, потом снова нагреваем швы и проковываем их, делая соединения прочнее. Тинк поддерживает огонь последними охапками хвороста. Брик и Шифт пытаются выжать последние капли металла из ничего – Шифт приносит старый чугунный утюг, Брик находит ржавую лопату. Последние два котла делаем из откровенного хлама, но я кую их с особым тщанием. Брак недопустим.

К полудню двадцать котлов, грубых, неказистых, покрытых следами тяжёлого труда, но цельных и крепких, стоят в ряд у стены кузницы. Они не сияют. Они не красивы. Но они СДЕЛАНЫ. Своими руками. Без магии. Без посторонней помощи. Ценой мозолей, ожогов, синяков и нечеловеческой усталости.

Я обвожу взглядом кузницу. Потрескавшиеся стены. Горы золы и шлака. Пустые, закопчённые полки. Гоблины, спящие прямо на полу в углу, покрытые слоем сажи и усталости. Гриззл сидит на ящике, тупо глядя на свои лапы с содранной кожей. Тишина, нарушаемая только потрескиванием догорающих углей в горне и храпом Брика.

Чувство выполненного долга смешивается с опустошением. Мы делаем это. Но какой ценой? И что дальше? Купец должен приехать завтра утром. А пока... Я с трудом поднимаюсь, подхожу к бочке с водой и окунаю в неё лицо. Холод обжигает, смывая часть копоти и усталости. Нужно найти силы прибраться, хоть немного. И накормить гоблинов. Последние крохи муки, немного сала... Лепёшки. Скромно, но горячо.

Разводя огонь под походным котелком (маленьким, не самогрейным! – иронично, что себе я самогрейный так и не сделала)

я вдруг чувствую знакомое ледяное покалывание на шее.

Дарн!

Я резко оборачиваюсь. В проёме открытой двери, в сгущающихся сумерках, никого нет. Только вечный туман клубится за порогом. Но ощущение пристального взгляда, тяжёлого и оценивающего, не исчезает. Он следит или это уже паранойя?

Я делаю шаг в сторону двери.

Глава 21 - Рен

– Что такое? – хмурится Гриззл, а остальные гоблины со вздохом поднимают уставшие головы, будто никто из них не спал уже пару недель. – Слушай, хозяйка, можешь хоть немного посидеть на попе ровно и не искать на неё приключения? – устало спрашивает он, потирая переносицу. – Мы сейчас как размазанная жижа, если ты не заметила, и спасти её будем не в состоянии.

Я виновато оглядываюсь, чувствуя, как на щеках оседает сажа, а волосы спутались от жара и копоты. – Да я только посмотреть, – шепчу, опуская голову. – Мне кажется, там кто-то ес...

– Не кто-то, а ваш...

Не успеваю договорить — из проема в кузницу буквально впрыгивает какой-то мужчина. Он появляется так резко и неожиданно, что я, не успев даже подумать, визжу и с размаху швыряю в него миску с остатками теста. Миска пролетает мимо, а незнакомец ловко уворачивается, как будто танцует, и продолжает путь, сверкая широкой, непривычно жизнерадостной для этих мест улыбкой. Воздух тут же наполняется тонким ароматом дорогих духов — смесью дыма, пряностей и чего-то неуловимого, дикого, словно он принёс с собой частичку большого мира за пределами деревни.

– ...способ расслабиться, – заканчивает он, делая вид, будто ничего не произошло.

Я медленно поднимаю бровь, позволяя себе беззастенчиво окинуть мужчину взглядом с головы до ног. А он, надо признать, очень даже ничего. Конечно, не Дарн с его мрачной харизмой и взглядом, от которого мурашки по коже, но определённо красивый: высокий, стройный, с золотистой кожей, будто позолоченной последними лучами солнца. Его волосы — густые, тёмные, с огненными прядями, свободно спадают на плечи и чуть выются у висков, словно над ними поработал сам ветер. Глаза — ярко-зелёные, как свежая листва после дождя, с хищным золотистым отблеском где-то в глубине. Одет он в тёмно-бордовый камзол, расшитый золотом — ткань облегает его фигуру, подчеркивая гибкость и силу. Через плечо перекинут дорогой плащ, который меняет цвет при каждом движении: то кажется чёрным, то вспыхивает глубоким синим, будто ночное небо. На поясе — изящный кинжал в резных ножнах, больше похожий на украшение, чем на оружие.

Очень необычно видеть настолько изысканный наряд в нашем захолустье. Дороже только у Дарна.

Так, хватит вспоминать этого маньяка! Еще вызову силой мысли чего доброго!

– Способ расслабиться? – осторожно уточняю я, не сводя с него взгляда. – Это на что ещё нарек?

– Ну, сначала я планировал разогнать твои мрачные мысли вот этим, – с ловкостью фокусника он выхватывает из-за спины лютню и проводит по струнам, отчего в воздухе рождается лёгкая, весёлая мелодия.

– А если не поможет — тогда поищем ещё способы, – игриво подмигивает он, и в его голосе звучит обещание чего-то запретного и при этом манящего.

Невольно я улыбаюсь в ответ, чувствуя, как на щёках появляется румянец. Вот ведь... видно же, что бабник, но харизма есть харизма. От него будто бы веет каким-то беспечным счастьем, и даже усталость отступает.

– Рен, опять ты здесь ошиваешься? – недовольно бурчит Гриззл, перехватывая мою попытку выйти из кузницы. – Тебе же кучу раз сказано было — из тебя хозяин будет как из дерьма гвоздь. Тем более, у нас уже есть хозяйка. Так что, вали давай.

– Согласен, эта прекрасная леди и вправду лучше всех подходит на роль хозяйки. Включая и хозяйку сердца всех наших жителей, – с театральным вздохом Рен прижимает ладонь к

грудь и бросает на меня лукавый взгляд. — Вот почему я решил скрасить её тоскливые минуты песней, беседой, прогулкой и предложением дружбы. Ах да, забыл представиться — Рен. Местный бард и единственный лучик света в этом царстве унылости и безнадёги до её появления.

Он подмигивает так, что невозможно не рассмеяться. Да уж, от скромности этот парень точно не умрёт, но что-то в нём есть. Наверное, именно такого человека мне сейчас и не хватает. Внутри всё будто бы оттаивает, и я неожиданно для себя соглашаюсь.

Гриззл сразу напрягается, резко поднимается с лавки:

— Слышь, горлопан, вали отсюда, ладно? Хозяйке и так дел хватает без твоих дурацких песен.

Рен только улыбается — его белоснежные зубы сверкают в полумраке кузницы, а голос звучит легко и беззаботно:

— О, Гриззл, как же я скучал по твоему... ммм... очаровательному нраву.

Я снимаю фартук, отряхивая с рукавов прилипшие кусочки угля и муки. Гриззл следит за каждым моим движением, его уши подрагивают от раздражения и тревоги.

— Ты куда с ним? — бурчит он, когда я делаю шаг к двери. — Котлы проверить надо, да и завтра...

— Гриззл, отдохнуть. Всего на час, — прерываю я его, сжимая фартук в руках. — Я котёл и не железная. Мне тоже нужно отдыхать.

Главный гoblin фыркает, скрещивает руки на груди и отворачивается, но я замечаю, как его плечи напряжены. Он злится — и на Рена, и на меня, что я согласилась. Ну, пусть привыкает: я тоже не всегда в восторге от того, что они вытворяют.

Рен игнорирует ворчание Гриззла, делает театральный поклон и протягивает мне руку:

— О, прекрасная повелительница гоблинов и молотов, позволишь сопроводить тебя на прогулку? Туман нынче особенно живописен — густой, таинственный и... ммм... слегка ядовитый, но это мелочи!

Я фыркаю, но не могу сдержать улыбку. Спорить с ним бесполезно, а идти — вдруг и правда стоит попробовать?

— Ты вообще понимаешь, что я вся в саже, пахну гарью и готова рухнуть от усталости?

— Идеально! — Он щелкает пальцами, и его ухмылка становится ещё лукавее. — Значит, тебя точно не станут похищать местные духи. Они предпочитают жертв поэнергичнее и, желательно, без молотка за поясом.

Гриззл закатывает глаза и плюхается на ящик, явно решив, что сопротивляться бессмысленно.

— Ладно, — я снимаю фартук и вытираю лицо влажной тряпкой. — Но если через полчаса я не вернусь, гоблины идут за тобой с вилами.

— О, мне нравится, как ты заботишься обо мне, — Рен прикладывает руку к сердцу, но в его глазах мелькает едва уловимый искорки лукавства. — Этот так вдохновляет.

Вечерний воздух встречает нас холодной дымкой, в которой дома и деревья теряются, становятся призрачными. Но рядом с Реном становится чуть теплее — словно он сам излучает свет, маленькое солнце на фоне вечного тумана.

Загадочный и обворожительный Рен

Глава 22 - Прогулка

Туманная Грива ночью одновременно жуткая и прекрасная. Деревянные дома с покосившимися ставнями тонут в молочной дымке, а редкие фонари, заправленные синеватым огнем, освещают дорогу, как призрачные маяки. Рен идет впереди, его плащ колыхнется при каждом шаге, а сапоги с мягкими не очень толстыми подошвами почти бесшумно ступают по мостовой.

— Вот здесь, — он указывает на старый дуб с вырезанными на коре знаками, — местные влюбленные клянутся друг другу в вечной верности. Правда, потом не могут друг друга найти в тумане, так что браки у нас редки.

Я смеюсь.

— А ты? Часто клялся?

— Я? — Он притворно-возмущенно прижимает руку к груди, и золотые нити на его камзоле вспыхивают в свете фонарей. — Я — свободный дух, поэт, бард! Моя любовь — это музыка, ветер и... ну ладно, однажды я написал сонет местной сове. У нее были очень вдохновляющие глаза.

— Ты не исправим.

— Это комплимент? — Он подмигивает, и в его взгляде вспыхивает искорка настоящего веселья.

Мы выходим на небольшую площадь, где ст

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.